

**М.Н. Запорожец**

Министерство образования и науки  
Российской Федерации  
Тольяттинский государственный университет  
Гуманитарно-педагогический институт  
Кафедра «Русский язык и литература»

# СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Электронное учебное пособие

СОЦИОЛИНГВИСТИКА  
КАК НАУКА

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ  
И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ  
ЯВЛЕНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

ЭВОЛЮЦИЯ  
ЯЗЫКА И ОБЩЕСТВА

ЯЗЫК И ЭТНОС

ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВО

**Рецензенты:**

канд. филол. наук, доцент Тольяттинского филиала  
Международного института рынка *С.В. Земскова*;  
канд. пед. наук, доцент Тольяттинского  
государственного университета *М.Г. Соколова*.

**Запорожец, М.Н. Социоллингвистика : электронное учеб. пособие / М.Н. Запорожец. – Тольятти : Изд-во ТГУ, 2014. – 1 электрон. опт. диск.**

Электронное учебное пособие содержит курс лекций, контрольные вопросы для самопроверки, темы рефератов по дисциплине «Социоллингвистика». Цель пособия – дать базовые теоретические сведения по курсу, сформировать целостное представление о социоллингвистике, способствовать организации учебной деятельности студентов.

Предназначено для студентов высших учебных заведений направления подготовки 032700.62 «Филология» очной формы обучения.

**Текстовое электронное издание**

Рекомендовано к изданию научно-методическим советом Тольяттинского государственного университета.

**Минимальные системные требования:** IBM PC-совместимый компьютер; Windows XP/Vista/7/8; PIII 500 МГц или эквивалент; 128 Мб ОЗУ; SVGA; Adobe Reader.

**Номер государственной регистрации электронного издания**

Редактор *О.И. Елисеева*  
Технический редактор *З.М. Малявина*  
Вёрстка: *Л.В. Сызганцева*  
Художественное оформление,  
компьютерное проектирование: *Г.В. Карасева, И.И. Шишкина*

Дата подписания к использованию 21.01.2014.  
Объем издания 4 Мб.  
Комплектация издания: CD-диск, первичная упаковка.  
Заказ № 1-16-13.

**Издательство Тольяттинского  
государственного университета  
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14,  
тел. 8 (8482) 53 91 47, [www.tltsu.ru](http://www.tltsu.ru)**

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Социолингвистика как учебная дисциплина составляет необходимую часть современного филологического образования. Входя в круг дисциплин языкового направления, социолингвистика ставит своими задачами дать обучающимся систематизированные знания по вопросам, связанным с природой языка, его общественной функцией, ролью языка в обществе, с влиянием социальных факторов на те или иные участки языковой системы в их эволюции и при выполнении заданных обществом функций; развить у студентов умение пользоваться понятийным аппаратом; познакомить с методиками социолингвистического анализа; сформировать умение осмысливать теоретические знания и применять их на практике.

Данная дисциплина призвана отразить непосредственную и опосредованную связь между варьированием социальных ситуаций и варьированием собственно языкового компонента в жизни общества. Центральными в этом плане являются понятия национального языка, литературного языка, языкового сообщества, языковой ситуации, языковой политики и др.

Курс «Социолингвистика» тесно связан с другими дисциплинами учебного плана, такими как «Введение в языкознание», «Теория языка», «Лексикология», «Фонетика», «Грамматика», «Стилистика», «История лингвистических учений». Связь с курсом «Введение в языкознание» обусловлена тем, что последний вырабатывает у студентов умение пользоваться основными понятиями современ-

ной лингвистической науки. Связь с курсом «История языка» проявляется в умении студентов анализировать языковые явления в рамках диахронической социолингвистики. Связь с курсами практической грамматики, лексикологии, теоретической фонетики прослеживается в том, что морфологические категории слов, их значения, особенности произношения могут рассматриваться сквозь призму социальных особенностей говорящего.

Данный курс имеет как теоретический, так и практический характер.

В соответствии с ФГОС третьего поколения изучение обозначенной дисциплины ставит своей задачей формирование у будущих специалистов:

- владения нормами русского литературного языка, навыками практического использования системы функциональных стилей речи; умения создавать и редактировать тексты профессионального назначения на русском языке (ОК-2);
- владения основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4);
- владения навыками участия в научных дискуссиях, выступления с сообщениями и докладами, устного, письменного и виртуального (размещение в информационных сетях) представления материалов собственных исследований (ПК-8).

Целью курса является изучение общественной обусловленности возникновения, развития и функционирования языка и его активной роли в жизни общества.

Задачи курса:

1) познакомить студентов с основными направлениями современной социолингвистики, методиками проведения социолингвистических исследований, ведущими принципами работы с информантами;

2) предложить студентам систему понятий и исследовательских приёмов для объяснения языковых и речевых

явлений как отражения взаимовлияния социальных и лингвистических факторов;

3) исследовать специфику отражения социальных процессов в языковых структурах;

4) показать возможности использования социолингвистического знания в проблемных областях современной коммуникации;

5) развить у студентов навыки интерпретации социальных явлений с учетом полученных лингвистических знаний.

В результате изучения дисциплины студент должен:

- знать базовые понятия социолингвистики;
- иметь представление об этапах развития социолингвистики и её связи с другими лингвистическими дисциплинами;
- уметь описывать речевую ситуацию в многообразии её социолингвистических признаков (коммуникативный и социальной статус адресата и адресанта, код, тема, контекст и т. д.);
- владеть аппаратом отображения языковой ситуации, навыками использования социолингвистических данных для оценки устойчивости языковой ситуации, степени опасности языкового сдвига и т. д.

Пособие состоит из конспектов (в соответствии с содержанием лекционного курса), вопросов и заданий для самопроверки, а также примерных тем рефератов и рекомендуемого списка литературы (по каждой теме).

При подборе материалов для пособия были использованы следующие источники (преимущественно учебники и учебные пособия по социолингвистике):

1. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000.

2. Беликов, В.И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001.

3. Волосков, И.В. Социоллингвистика : учеб. пособие / И.В. Волосков. – М. : МГПУ, 2007.

4. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.

Содержание лекционного курса предполагает рассмотрение следующих вопросов.

#### I. Социоллингвистика как наука

Определение социальной лингвистики, ее объект и предмет, цель и задачи.

Статус социоллингвистики как научной дисциплины. Связь социоллингвистики с лингвистикой, социологией, этнологией, культурологией.

Направления социоллингвистики.

Методы социоллингвистического исследования.

#### II. История возникновения и развития социоллингвистики

История возникновения социоллингвистики.

Современные школы социальной лингвистики: социальная обусловленность языка в концепции Е.Д. Поливанова, теория антиномий М.В. Панова, теория языковой эволюции Уильяма Лабова.

#### III. Язык как социальное явление

Язык как система. Язык и речь. Функции языка и речи.

Функционирование языка.

Сферы использования языка.

Речевая и неречевая коммуникация, коммуникативная ситуация.

Коммуникативная компетенция носителя языка.

#### IV. Язык и общество

Язык и общество, языковая структура общества, понятие языкового сообщества, одноязычные и многоязычные сообщества. Родной, этнический язык.

Язык и его социальная дифференциация. Понятия «код», «субкод», «социально-коммуникативная система». Языковая ситуация.

Переключение и смешение языковых кодов. Интерференция, ее сущность и разновидности (фонетическая, грамматическая, синтаксическая).

Социальная регуляция речевого общения.

#### V. Язык и личность

Проблема социального статуса личности в языке. Социальная роль в коммуникации, типы ролевых отношений.

Влияние двуязычия на речевое поведение личности.

Языковая социализация, проблема влияния социальной среды на владение языком.

#### VI. Язык и культура

Природное и культурное в языке. Общечеловеческий, этнический и социальный компоненты в языке и речи.

Проблема влияния культуры на язык. Безэквивалентная лексика и лакуны. Этнокультурные особенности внутренней формы слова. Проблема культуры и речевого поведения индивида.

#### VII. Эволюция языка и общества

Язык и историческое развитие. Внутренние и внешние языковые изменения.

Проблема регресса и прогресса в развитии языка. Закономерности языковых изменений. Основные направления социальной эволюции языков.

#### VIII. Язык и этнос

Язык и народы мира. Языковая картина мира.

Расы, этносы, языки. Понятие «этнос», его признаки и свойства.

Смешение языков. Креолы и пиджины как средства коммуникативного контакта.

Международные и мировые языки, искусственные языки-посредники.

#### IX. Язык и государство

Понятие «национально-языковая политика».

Языковая политика и языковая ситуация в современной России.



## **Тема 1. СОЦИОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА**

### **Вопросы**

1. Определение социолингвистики, её объект и предмет, цель и задачи.
2. Научный статус, связь с другими науками.
3. Направления социолингвистики.
4. Методы социолингвистического исследования.

### **1.1. Определение социолингвистики, её объект и предмет, цель и задачи**

**СОЦИОЛИНГВИСТИКА** – отрасль языкознания, изучающая язык в связи с социальными условиями его существования. Под социальными условиями имеется в виду комплекс внешних обстоятельств, в которых реально функционирует и развивается язык: общество людей, использующих данный язык, социальная структура этого общества, различия между носителями языка в возрасте, социальном статусе, уровне культуры и образования, месте проживания, а также в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения. Чтобы понять специфику социолингвистического подхода к языку и отличие этой научной дисциплины от «чистой» лингвистики, необходимо рассмотреть истоки, определить статус среди других лингвистических дисциплин, объект и основные используемые социолингвистикой понятия, которыми она пользуется, выявить наиболее типичные проблемы,

которые входят в круг её компетенции, установить методы исследования и сформировавшиеся к концу XX века направления социолингвистики.

За время своего существования в языкознании социолингвистическое направление имело несколько разных наименований: ***социология языка, социологическая лингвистика, социологическое языкознание, лингвистическая социология, лингвосоциология, социолингвистика, социальная лингвистика.***

Термин «социолингвистика» впервые употребил в 1952 году американский социолог Герман Карри. Однако это не означает, что и наука о социальной обусловленности языка зародилась в начале 1950-х годов. Корни социолингвистики глубже, и искать их нужно не в американской научной почве, а в европейской и, в частности, русской.

Давно известно, что язык далеко не единообразен в социальном отношении. Так, одно из первых письменно зафиксированных наблюдений, свидетельствующих об этом, относится еще к началу XVII века. Гонсало де Корreas, преподаватель Саламанкского университета в Испании, чётко разграничивал социальные разновидности языка: «Нужно отметить, что язык имеет, кроме диалектов, бытующих в провинциях, некоторые разновидности, связанные с возрастом, положением и имуществом жителей этих провинций: существует язык сельских жителей, простолюдинов, горожан, знатных господ и придворных, ученого-историка, старца, проповедника, женщин, мужчин и даже малых детей» [18, с. 7].

Один из основателей современной социолингвистики, американский исследователь Уильям Лабов определяет её как науку, которая изучает язык в его социальном контексте. Внимание специалистов этой научной области направлено не на внутреннее устройство языка, а на то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество. При этом учитываются все факторы, способные повлиять на функционирование, использование языка:

от различных социальных характеристик самих говорящих (возраст, пол, уровень образования и культуры, вид профессиональной деятельности) до социальных условий конкретного речевого акта. Какие же характеристики говорящих влияют на их речь?

1. *Профессиональная и социальная среда, в которой живет человек.* Люди одной профессиональной принадлежности часто образуют довольно замкнутые группы, вырабатывают свой язык, владение которым является фактором отнесения человека к данной группе. В наше время это язык программистов и людей, профессионально связанных с компьютером: монитор – *глаз*, компакт-диск – *блины*, пользователь – *юзер* и т. д. Если предметом изучения является речь ребенка, то важным становится профессиональная принадлежность его родителей. В книге К. Чуковского «От двух до пяти» приведены яркие примеры детской речи: а) высказывание сына продавца: «Я всех люблю одинаково, а мамочку на один номер больше»; б) сына писателя: «Папа, скажи редактору этой карусели: нельзя ли мне, наконец, кататься?» Приведенные примеры показывают зависимость речи от профессиональной принадлежности человека.

2. *Характер образования.* Социологи на основе исследований речи технической и гуманитарной интеллигенции выявили, что речь технической интеллигенции в большей степени подвержена влиянию профессионального жаргона, речь же гуманитарной интеллигенции более консервативна, подчинена литературной норме.

3. *Речевая ситуация.* Разные ситуации общения требуют использования различных языковых средств. Это хорошо понимал ещё до рождения социолингвистики А.С. Пушкин: «В обществе вы локтем задели соседа Вашего, Вы извиняетесь – очень хорошо. Но, гуляя в толпе и толкнув лавочника, Вы не скажете ему: «Миль пардон». Вы зовете извозчика – и говорите ему: «Пошёл в Коломну», а не «Сделайте одолжение, потрудитесь отвезти

в Коломну». Приведённый пример показывает, что в разных ситуациях говорящий занимает различную позицию в коммуникации: на равных (в обществе), превосходство над партнером по коммуникации (лавочник, извозчик), подчинённость партнёру по коммуникации (начальник – подчинённый). Взаимодействуя друг с другом в процессе общения люди контактируют через систему парных социальных ролей. Тип роли обуславливает характер речи и речевого поведения. Повелительные интонации естественны в речи учителя и врача (*Дышите! Задержите дыхание!*) и неуместны, когда представители этих профессий выходят за рамки деловой коммуникации. Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей, как надо себя вести, формируется в процессе языковой социализации.

4. Функционирование языка зависит от места проживания человека (*малако* – на юге, *молоко* – на севере).

Помимо изучения факторов и социальных характеристик индивида, влияющих на речь, социолингвистика видит свою задачу в регулировании развития и функционирования языка. При этом важным является анализ оценок, тех или иных языковых фактов к которым люди относятся по-разному: одни легко усваивают языковые новшества, другие более консервативны, поддерживают традиционную норму. Исследование различий в оценках фактов позволяет выявить более и менее престижные формы, а это важно с точки зрения перспектив развития языка и обновления его норм.

Таким образом, объектом социолингвистики становится язык, а предметом – функционирование языка, выявление факторов речи. Специфика социолингвистики как молодой науки состоит в том, что:

1) она имеет дело с реальными людьми, которые могут ошибаться, нарушать нормы. Для социолингвистики важно понять, чем объясняются особенности функционирования языка;

2) объектом социолингвистики является функционирование языка, а поскольку язык функционирует в обществе, обладающем определенной социальной структурой, то можно говорить о социолингвистике как науке, исследующей язык в его социальном контексте.

## 1.2. Научный статус, связь с другими науками

Из названия социолингвистики видно, что она возникла на стыке двух других наук – социологии и лингвистики. Междисциплинарный характер социолингвистики признается многими учеными. Однако само по себе это признание не отвечает на вопросы: чего больше в этой науке – социологии или лингвистики? кто занимается ею – профессиональные социологи или профессиональные языковеды? Напомним, что первым ученым, употребившим термин «социолингвистика», был социолог.

Современная социолингвистика – это отрасль языкознания. Пока эта наука только формировалась, можно было спорить о ее статусе. Но к концу XX века, когда в социолингвистике определились объект, цели и задачи и получены ощутимые результаты, стала совершенно очевидна языковедческая природа этой науки. Иное дело, что социолингвисты переняли многие методы у социологов (например, методы массовых обследований, анкетирования, устных опросов и интервью). Данные заимствования используются социолингвистами применительно к задачам изучения языка, а, кроме того, на их основе вырабатываются собственные методические приёмы работы с языковыми фактами и с носителями языка.

Как лингвистическая дисциплина социолингвистика находится в определенных отношениях с другими разделами языкознания:

1) с *диалектологией*: то, что диалект – это элемент коммуникативной системы языка, который находится в определенных отношениях с литературной нормой, яв-

ляется обоснованием (причиной) использования социолингвистикой методов и приемов диалектологии для наблюдения над спонтанной речью информантов. На современном этапе развития социолингвистика не только обращается к методам и идеям диалектологии, но и сама влияет на эту дисциплину. Это касается более детальной паспортизации информантов, то есть фиксации не только их пола, возраста, образования, места проживания, но и других долговременных характеристик, ситуативных условий, в которых получены наблюдения над диалектной речью;

2) с *фонетикой*: первые социолингвистические исследования выполнены на фонетическом материале (работы М.В. Панова и У. Лабова). На основе полученных фонетических данных были сформулированы теоретические положения социолингвистики, касающиеся социальной обусловленности языковых изменений и влияния социальных факторов на вариативность языка;

3) с *лексикологией и семантикой*, поскольку лексическая система языка наиболее чутко реагирует на изменения в социальной жизни и отражает дифференциацию общества на группы;

4) с *психолингвистикой*, которая изучает речевую деятельность человека в её обусловленности психическими процессами, а социолингвистику интересуют социальные различия в развитии и функционировании языка. Кроме того, социолингвистика исследует языковую социализацию, процессы усвоения ребенком родного языка. И, поскольку этот процесс носит интеллектуально-психический характер, интересы психо- и социолингвистики здесь пересекаются;

5) с *этнолингвистикой*, занимающейся проблемами двуязычия и многоязычия, так как двуязычие и многоязычие традиционно находятся в сфере интересов социолингвистики.

### 1.3. Направления социолингвистики

Как и языкознание в целом, социолингвистика (СЛ) имеет два аспекта – диахронический и синхронический.

**Объект диахронической СЛ** – история языка и отдельных языковых явлений в связи с историей общества, изменением его социальной структуры.

**Объект синхронической СЛ** – язык и его функционирование в данный момент в данном обществе в связи с социальным расслоением общества и его коммуникативными потребностями (что сближает СЛ с функциональной стилистикой).

В зависимости от масштабности объектов, которыми интересуется социолингвистика, различают **макросоциолингвистику** и **микросоциолингвистику**.

Макросоциолингвистика изучает языковые отношения и процессы, происходящие в крупных социальных объединениях – государствах, регионах, больших социальных группах, нередко выделяемых условно, по тому или иному социальному признаку (возраст, уровень образования и т. п.). В этой области обычно проводятся *языковые обследования*, в том числе исследование языковых ситуаций в группах, регионах, странах, соотношения языков в двуязычных коллективах.

В рамках исследования рассматриваются:

– *языковые контакты*: определяются последствия, которые имеет столкновение с другим языком – и отчасти с другой культурой – для языков, а также для говорящих на них индивидов и групп;

– *языковые конфликты и их разрешение*: язык и государство, языковое планирование, языковое строительство;

– *языковые изменения в связи с общественными изменениями*.

Микросоциолингвистика анализирует языковые процессы и отношения, имеющие место в реальных и при этом небольших по численности группах носителей язы-

ка – в семье, производственной бригаде, игровых группах подростков и т. п.

Микросоциоллингвистика исследует такие проблемы:

✓ *пути достижения требуемого результата в речевом взаимодействии*: какими средствами привлекается и удерживается внимание слушающего; как в данном социуме принято начинать и заканчивать разговор; речевые (и иные) средства, которые для этого используются;

✓ *приобретение и изменение коммуникативных навыков (компетенций)*: подразумевается умение эффективно порождать и воспринимать сигналы в процессе коммуникации и знание правил «подобающей» коммуникации;

✓ *изучение отношения к языку*: люди «любят» свой язык или «стесняются» его, считают его выше или ниже по статусу, чем какой-либо иной; оценивают собеседников по тому, как они говорят, причем делают это интуитивно: задача состоит в том, чтобы выявить, объяснить и доказать эту интуицию;

✓ *правила выбора языков и языковых вариантов в разных ситуациях и в динамике*.

Таким образом, микросоциоллингвистика занимается скорее индивидуальной речью в социальном контексте, а макросоциоллингвистика – группой и её языком в социальном контексте.

В зависимости от того, на что направлены социоллингвистические исследования, – на разработку общих проблем, связанных с отношением «язык – общество», или на экспериментальную проверку теоретических гипотез, различают **теоретическую и экспериментальную** социоллингвистику.

Теоретическая социоллингвистика ориентирована в основном на общие, основополагающие проблемы:

– выявление наиболее существенных закономерностей языкового развития и доказательство их социальной природы (наряду с такими закономерностями, которые являются следствием саморазвития языка);



– исследование социальной обусловленности функционирования языка, зависимости его использования в разных сферах общения от социальных и ситуативных переменных;

– анализ процессов речевого общения, в которых определяющее значение имеют такие факторы, как набор социальных ролей, исполняемых участниками коммуникации, социально-психологические условия реализации тех или иных речевых актов, умение говорящих переключаться с одного кода на другие и т. п.;

– изучение взаимодействия и взаимовлияния языков в условиях их существования в одном социуме; проблемы интерференции и заимствования элементов контактного языка; теоретическое обоснование процессов формирования промежуточных языковых образований – интердиалектов, койне, пиджинов, а также ряд других проблем.

Теоретики социолингвистики достаточно рано осознали необходимость подкреплять общие положения о зависимости языка от социальных факторов массовым эмпирическим материалом (то, что этот материал должен был быть массовым, вполне естественно, поскольку требуется доказать социальные, групповые, а не индивидуальные связи носителей языка с характером использования ими языковых средств). М.В. Панов в России и У. Лабб в США были, по-видимому, первыми социолингвистами, которые в начале 1960-х годов независимо друг от друга обратились к эксперименту как необходимому этапу в социолингвистических исследованиях и способу доказательства определенных теоретических построений.

Так был дан толчок развитию экспериментальной социолингвистики.

Современный социолингвистический эксперимент – дело весьма трудоемкое, требующее больших организационных усилий и немалых финансовых затрат. Ведь экспериментатор ставит перед собой задачу получить достаточно представительные и по возможности объектив-

ные данные о речевом поведении людей или об иных сторонах жизни языкового сообщества. При этом сведения должны характеризовать разные социальные группы, образующие языковое сообщество. Следовательно, нужны надёжные инструменты экспериментального исследования, апробированная методика его проведения, обученные интервьюеры, способные неукоснительно следовать намеченной программе эксперимента, и, наконец, правильно выбранная совокупность обследуемых информантов, от которых и надо получить искомую информацию.

Правда, история науки знает случаи и не столь громоздкой организации социолингвистических экспериментов. Так, Р. Белл в своей книге «Социолингвистика» полушутя-полусерьёзно говорит о том, что одним из первых социолингвистов-экспериментаторов можно считать древнего военачальника Иефтая, принадлежавшего к племени галаадитян. Чтобы предотвратить проникновение в его вооружённые силы вражеской «пятой колонны» – представителей племени ефремлян, Иефтай приказывал каждому воину, приходившему к переправе через реку Иордан: «Скажи *шибболет*». *Шибболет* на иврите означает «поток». Такой приказ на берегу реки был вполне уместным. Дело, однако, заключалось в том, что представители племени галаадитян легко произносили звук [š], а ефремляне не умели это делать. Результат эксперимента был кровавым: «...каждого, кто не умел произнести *шибболет* на галаадитский манер, они взяли и заклали... и пало в то время ефремлян сорок две тысячи» (Книга Судей) [7, с. 299–300].

Многие науки, помимо теоретической разработки стоящих перед ними задач, решают задачи, связанные с практикой; обычно направления, занимающиеся этим, называются прикладными. Существует и **прикладная** социолингвистика. Какого же рода вопросы она рассматривает?

Это, например, проблемы обучения родному и иностранному языкам. Традиционная методика преподавания языков базируется на словарях и грамматиках, которые

фиксируют главным образом внутривидовые свойства языка и обусловленные самой его системой правила использования слов и синтаксических конструкций. Между тем реальное употребление языка регулируется еще, по крайней мере, двумя классами переменных – социальными характеристиками говорящих и обстоятельствами, в которых происходит речевое общение. Следовательно, обучение языку наиболее эффективно тогда, когда в методике его преподавания, в учебной литературе учитываются не только собственно лингвистические правила и рекомендации, но и разного рода «внешние» факторы.

Социолингвистическая информация важна при разработке проблем и практических мер, составляющих языковую политику государства. Языковая политика требует особой гибкости и учёта множества факторов в условиях полиэтнических и многоязычных стран, где вопросы соотношения языков по их коммуникативным функциям, по использованию в различных сферах социальной жизни тесно связаны с механизмами политического управления, национального согласия и социальной стабильности. Одним из инструментов языковой политики являются законы о языках. И хотя их разработка в целом есть компетенция юристов, однако именно они должны четко и непротиворечиво формулировать положения, касающиеся, например, статуса государственного языка, его функций, защиты монопольного использования государственного языка в наиболее важных социальных сферах, регламентации применения «местных» языков и т. п. При этом очевидно, что создание лингвистически грамотных законов о языке возможно лишь на основе всестороннего знания функциональных свойств языка, степени разработанности в нем тех или иных систем (системы специальных терминологий, научного языка, языка дипломатических документов, стиля официально-делового общения и т. п.), детального представления о том, «что может» и «чего не может» данный язык в разнообразных социальных и ситуативных условиях его применения.

Сферы приложения социолингвистической теории и результатов социолингвистических исследований к решению задач общественной практики нередко зависят от характера языковой ситуации в той или иной стране. В многоязычных странах – одни проблемы, в моноязычных – совсем иные. В условиях многоязычия остро стоят вопросы выбора одного языка-макропосредника, который служил бы средством общения для всех наций, населяющих страну, и, возможно, обладал бы статусом государственного языка; в условиях языковой однородности актуальны проблемы нормирования и кодификации литературного языка, его отношений с другими подсистемами национального языка. Поэтому существуют разные акценты в разработке социолингвистических проблем, в ориентации прикладных направлений социолингвистики.

#### **1.4. Методы социолингвистического исследования**

Социолингвистика ещё не успела в должной мере выработать собственные, присущие только ей методы исследования языка. Но ввиду того что она возникла на стыке двух наук – социологии и лингвистики, представители новой области знания попытались перенять у обеих «питающих» её наук все лучшее, характерное для их методик и техник исследований.

Пожалуй, рано заявлять об особых методах создания социолингвистических теорий, – здесь социолингвистика ограничивается общенаучными методами.

В настоящее время можно говорить об определённой совокупности методов исследования, используемых социолингвистикой. Методы, специфические для социолингвистики как языковедческой дисциплины, можно разделить на три группы: методы сбора материала, методы его обработки и методы оценки достоверности полученных данных.

В первой группе преобладают методы, заимствованные из социологии, социальной психологии и отчасти из

диалектологии, во второй и третьей значительное место занимают методы математической статистики. Кроме того, полученный, обработанный и оцененный с помощью статистических критериев материал нуждается в социолингвистической интерпретации, которая позволяет выявить закономерные связи между языком и социальными институтами.

При сборе информации социолингвисты чаще всего прибегают к наблюдению и опросам; достаточно широко используется и общенаучный метод анализа письменных источников. Разумеется, часто эти методы комбинируются: после предварительного анализа письменных источников исследователь формулирует некую гипотезу, которую проверяет в процессе наблюдения; для проверки собранных данных он может обратиться к опросу определенной части интересующей его социальной общности.

### **Методы сбора материала**

#### ***Наблюдение***

Из самого смысла слова «наблюдение» очевидно, что этот метод эффективен при изучении явлений, которые происходят на наших глазах. Можно, конечно, изучать следы, результаты, оставшиеся после того, как то или иное действие закончилось, но в этом случае метод наблюдения малоэффективен. Чтобы понять механизмы, управлявшие этим процессом, необходимо его моделировать (поскольку исследователи лишены возможности его наблюдать), сравнить его с другими, аналогичными процессами, экстраполировать имеющиеся результаты на похожие ситуации или совокупности фактов и т. п., – иначе говоря, применить какие-то иные методы изучения объектов.

#### ***Включённое наблюдение***

Один из наиболее эффективных способов преодоления «парадокса наблюдателя» – включённое наблюдение. Этот способ изучения поведения людей заключается в том, что

исследователь становится членом наблюдаемой им группы. Естественно, что включённым наблюдение может быть тогда, когда ничто не мешает исследователю отождествить себя с членами наблюдаемой социальной группы по расовым, национальным, языковым, поведенческим и иным признакам. Европейцу, например, трудно осуществлять включённое наблюдение в группах китайцев или негров; взрослый исследователь никак не может быть полностью ассимилированным в группе изучаемых им подростков; горожанин-диалектолог всегда воспринимается жителями деревни как человек не из их среды и т. д.

Как при внешнем, так и при включённом наблюдении исследователь должен фиксировать наблюдаемый речевой материал. Фиксация может осуществляться двумя основными способами: вручную и инструментально.

### ***Устное интервью***

Метод интервью заимствован социолингвистикой из социологии и социальной психологии. Однако он претерпел существенные изменения в связи со спецификой исследовательских задач, отличающей эти задачи от решаемых социологами и социопсихологами. Если последние используют устное интервью для того, чтобы выяснить мнение информантов по тем или иным социальным, политическим, культурным вопросам (например, о том, за кого они предпочитают голосовать на ближайших выборах, какой фильм прошедшего года считают лучшим и т. п.), то социолингвиста преимущественно интересует скорее форма ответов, чем их содержание.

Основная функция метода интервью – получить материал, характеризующий спонтанное речевое поведение людей.

### ***Анкетирование***

Анкетирование – один из самых распространенных методов получения социолингвистической информации. Он применяется главным образом при обследовании

больших совокупностей говорящих, то есть в макросоциолингвистических исследованиях.

Анкета представляет собой перечень вопросов, которым могут быть приписаны заранее заготовленные варианты возможных ответов (в этом случае важно, чтобы альтернативные ответы не пересекались и в сумме покрывали все возможности). Такие вопросы называются закрытыми; им противопоставлены открытые вопросы, когда респондент сам выбирает и форму, и содержание ответов.

Обычно анкетирование проводится с целью получить статистические результаты, поэтому подавляющее большинство содержащихся в анкетах вопросов либо закрытые, либо могут быть закрыты при их обработке.

Социолингвистические анкеты можно разделить на два типа: одни нацелены на объективное исследование функционирования языка в обществе, другие – на изучение речевого узуса, оценку носителями языка конкурирующих языковых вариантов.

В основном распространены анкеты первого типа. С их помощью в многоязычных сообществах выясняется, какой из языков, используемых в данном сообществе, по мнению представителей разных национальных и социальных групп, должен обладать статусом государственного; какой из двух (или более) языков выбирает билингв при общении на производстве, в городских ситуациях, в семейном общении и т. п.

Однако надо признать, что при всей изощрённости методики, с помощью которой составляются социолингвистические анкеты и вопросники, вероятность того, что ученые получают данные лишь о мнениях информантов по поводу их собственных речевых привычек (а не о реальном соотношении тех или иных языковых вариантов), сохраняется.

Уменьшить эту вероятность помогают тесты.

### ***Тесты***

Тесты, по сути, являются разнообразными по форме заданиями, предлагаемыми исследователем информан-

там. Это могут быть списки слов, которые надо воспроизвести перед микрофоном, или связный текст, также читаемый информантом вслух; письменные задания на восстановление пропущенных фрагментов текста; ответы на устные вопросы исследователя, задаваемые в определенном временном режиме, и т. п.

Как правило, цель подобных тестов сообщается информанту в самом общем виде; детали того, что собирается узнать с помощью этих тестов исследователь, остаются ему неизвестны. И это понятно: исследователь заинтересован в получении объективных данных о речевых навыках информанта, а сделать это можно, если условия тестирования будут такими, при которых, выполняя тест, информант сможет мобилизовать свое владение языком, в значительной мере автоматизированное, бессознательное, а не оценки собственной речи (как это имеет место при ответе, по крайней мере, на некоторые пункты социолингвистических вопросников).

### *Социолингвистический портрет (личности, группы, журнала, компании и т. п.)*

1. Языковая компетенция (отношение к формам существования языка):

- 1) владение литературным языком;
- 2) знание социальных диалектов;
- 3) знание территориальных диалектов;
- 4) сведения об использовании просторечия;
- 5) представление о соотношении литературного языка и разговорного;
- 6) знание пиджина(ов).

2. Социокультурная характеристика:

- 1) характеристика языкового ареала, на котором проживает данная личность (этнос, конфессии, языки);
- 2) отношение данной личности к конфессиям, этносам, языкам;
- 3) национальное самосознание;



- 4) социальное происхождение;
- 5) социальное положение и экономический статус;
- 6) образование и специальность;
- 7) принадлежность к социальной группе;
- 8) отношение к нормативным документам, посвященным языковой политике;
- 9) представление о совершенствовании языка.

### **3. Социо- и психолингвистическая характеристика:**

- 1) пол, возраст;
- 2) темперамент;
- 3) знакомство со стандартными языковыми ситуациями и правилами речевого этикета (магазин, транспорт, различные социальные учреждения; общение в неофициальной обстановке: улица, друзья, семья и пр.);
- 4) предсказуемость/непредсказуемость поведения в нестандартной языковой ситуации (например, реакция в эмоционально насыщенных конфликтных ситуациях).

### **Вопросы для самопроверки**

1. Каков объект и предмет социолингвистики?
2. Сформулируйте проблемное поле и научные задачи социолингвистики.
3. Какие социальные характеристики личности обуславливают речевое поведение?
4. Как особенности коммуникативной ситуации влияют на речевое поведение?
5. Каковы особенности социолингвистики как научной отрасли?
6. Определите научный статус социолингвистики. Как вы считаете, это лингвистическая или социологическая наука?
7. Какие связи возникают у социолингвистики с другими отраслями языкознания?
8. Назовите направления социолингвистики.

9. Какие школы социолингвистики сформировались в начале XX века? В чем специфика исследований каждой из этих школ?
10. Укажите принципиальные отличия социолингвистики начала XX века и его второй половины.
11. В чем специфика взаимосвязи языка и общества с точки зрения Е.Д. Поливанова?
12. Как, по мнению Е.Д. Поливанова, социальные процессы влияют на развитие языка?
13. Назовите особенности функционирования языка как социального явления в концепции М.В. Панова.
14. Каковы особенности и основные этапы развития языковых новшеств по У. Лабóву?
15. Какие методы социологического исследования вы можете назвать?
16. Составьте социологический портрет личности, группы.

#### **Рекомендуемая литература**

1. Беликов, В.И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социолингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
4. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
5. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.
6. Русская социолингвистика // [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/russlin/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/russlin/index.php)

## **Тема 2. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ**

### **Вопросы**

1. История возникновения, формирования и становления социалингвистики как самостоятельной науки.
2. Современные школы социальной лингвистики: социальная обусловленность языка в концепции Е.Д. Поливанова, теория антиномий М.В. Панова, теория языковой эволюции У. Лабова.

### **2.1. История возникновения, формирования и становления социалингвистики как самостоятельной науки**

Термин «социалингвистика» ввёл в научный оборот в 1952 году американский социолог Г. Карри. Но это не означает, что социалингвистика возникла лишь в середине XX века. Лингвистические исследования, учитывающие обусловленность языковых явлений явлениями социальными, стали вестись в начале XX века во Франции, России, Чехии. Европейскими научными традициями обусловлена особенность СЛ, заключающаяся в неотделимости от чистой лингвистики изучения связей языка с развитием общества. Русский учёный-лингвист Бодуэн де Куртене писал: «Так как язык возможен только в обществе, то мы должны в нём отмечать сторону социальную» [17, с. 8]. Учёным первой половины XX века принадлежит

ряд гипотез, которые важны для современной социолингвистики. Французский учёный Шарль Балли высказал идею о том, что все средства языка распределены по сферам общения. В работах чешских языковедов подчеркивается мысль о том, что национальный язык социально дифференцирован в зависимости от социального статуса его носителей. Е.Д. Поливанову принадлежит гипотеза, согласно которой темпы языковой эволюции зависят от темпов развития общества. Он же предложил выделить наряду с территориальной диалектологией и социальную. Б.А. Ларин, В.М. Жирмунский, Д.С. Лихачев отметили важность изучения арго, жаргонов и других неcodифицированных сфер языка для понимания внутреннего устройства коммуникативной системы.

Характерная черта социолингвистики второй половины XX века – переход от работ теоретического плана к экспериментальной проверке гипотез, математическому описанию собранных фактов. Современная социолингвистика характеризуется системностью, строгой направленностью сбора данных, количественно-качественным статистическим анализом фактов, переплетением лингвистического и социологического аспектов исследования.

## **2.2. Современные школы социальной лингвистики: социальная обусловленность языка в концепции Е.Д. Поливанова, теория антиномий М.В. Панова, теория языковой эволюции У. Лабова**

В настоящее время существует несколько социолингвистических теорий. Концепция Евгения Дмитриевича Поливанова рассматривает вопрос о социальной обусловленности языковых изменений. Ученый создает теорию языковой эволюции, определяемую социальными причинами. Придавая большое значение контексту, в котором развивается язык, Поливанов предостерегает от попыток все изменения в языке связывать с воздействием соци-

альных сил. В языке действуют и свои внутренние законы, независимые от социальных. В то же время социальные факторы способны влиять только на конечную цель развития языка в данный исторический период. Поэтому в развитии языка можно выделить два сложно взаимодействующих социальных фактора – внутренний и внешний. Поливанов приходит к выводу, что социальные факторы не могут изменять языковые процессы, но от них зависит направление языковой эволюции. Яркий пример влияния социальных факторов на направленность языковых процессов – литературный язык послереволюционной эпохи. Помимо старой дворянской интеллигенции, которая традиционно являлась носителем литературного языка, им овладели рабочие, крестьяне, новая интеллигенция. Изменение состава носителей литературного языка способствовало процессу демократизации и выработке нового литературного языка, единого для всех слоев общества. Весьма важной представляется приоритетность языка конкретной доминирующей социальной группы при формировании новой системы литературного языка.

В современной социолингвистике ориентацию говорящих на языке определённой общественной группы связывают с понятием социального престижа: чем выше престиж социальной группы, тем больше вероятности, что её язык станет предметом подражания. Такой социально престижной системой традиционно является язык наиболее культурной части общества, однако при определённых условиях шкала оценок может смещаться в сторону других социальных групп.

Языковая эволюция, о которой говорит Поливанов, идёт неравномерно в разных подсистемах языка. В наибольшей степени такому влиянию подвержены лексика и фразеология (влияние американизмов в современном литературном языке). В них быстрее всего сказываются результаты социально-экономических мутаций. Обращаясь к изменениям на иных уровнях языка, Поливанов

выдвигает два тезиса: 1) явления других уровней меньше подвержены влиянию социальных факторов; 2) количественные изменения фонетических черт в речи говорящих приводят к качественным изменениям всей системы.

Отношение различных социальных групп к новшествам также неоднородно. Одни социальные группы консервативны, предпочитают придерживаться старой социальной нормы (интеллигенция, особенно гуманитарная), другие же легко поддерживает новшества (молодежь).

Темп языковой эволюции в целом зависит не только от масштабности социальных процессов, но и от уровня развития литературного языка: чем он более развит, тем менее интенсивны происходящие изменения.

Современная социалингвистика отличается разнообразием взглядов на социальные механизмы языковых изменений.

М.В. Панов сформулировал **теорию антиномий** – постоянно действующих, противоположных друг другу тенденций, борьба которых является стимулом языкового развития. В числе важнейших следует назвать антиномии говорящего и слушающего, системы и нормы, кода и текста, регулярности и экспрессивности. На каждом этапе развития языка исход борьбы в пользу одного из инверсных полюсов обусловит возникновение новых противоречий. Окончательная ликвидация антиномий невозможна: это приведет к прекращению развития языка.

Антиномия говорящего и слушающего разрешается то в пользу говорящего, то слушающего. Их интересы полярны: говорящий стремится к экономии речевых усилий, слушающий – к вычленению из информации говорящего максимального содержания. В XX веке в послереволюционную эпоху наблюдалась тенденция к языковой экономии (сокращение наименований и их слияние в аббревиатуры – начпрод, реввоенсовет, ЦК). В настоящее время отмечается направленность на расчленение наименований: инженер по технике безопасности, заместитель про-

ректора по науке. Тем самым больше учитываются интересы слушающего.

Антиномия системы и нормы проявляется в том, что система позволяет всё, что не противоречит законам языка, а норма отбирает, фильтрует то, что разрешено системой, и допускает к употреблению далеко не всё, что принято системными возможностями языка.

Антиномия кода и текста заключается в противоречии между лексическим составом языка и текстом, который строится из лексических единиц. В развитии языка действуют две взаимоисключающие тенденции: к упрощению и сокращению набора единиц и к сокращению текста. Образец упрощения – постепенное вытеснение из современной лексики терминов родства (*шурин, деверь, золовка*) и появление на их месте описательных наименований – брат жены, брат мужа, сестра мужа. Примером сокращения текста за счет расширения системы лексических единиц является заимствование иноязычных слов, которые в русском языке могут быть выражены только описательно: *снайпер* – меткий стрелок, *стайер* – бегун на длинные дистанции, *мотель* – гостиница для автотуристов. В данном случае объём текста сокращается, но увеличивается набор лексических единиц.

Антиномия регулярности и экспрессивности отвечает информационной и экспрессивной функции языка. Информационная функция наиболее последовательно выражается с помощью однотипных, стандартных средств, однозначных по содержанию. Экспрессивная же функция опирается на эмоционально окрашенную, нестандартную лексику. В этом плане экспрессивная функция противостоит информационной. Однако, несмотря на выделенную противоречивость, в единицах языка заложено информативное и экспрессивное содержание [*осёл* (о человеке) – глупый человек, не умеющий слушать, и негативное экспрессивное отношение].

## Теория языковых эволюции У. Лабова

Уильям Лабов исходит из того, что изменения в структуре языка не могут быть правильно поняты без учета сведений о языковом сообществе, которое пользуется этим языком. Так, изменения в фонетической системе можно изучить, наблюдая за речью данного коллектива носителей языка в течение определенного времени. Решая эти проблемы на примере анализа речи небольшого коллектива говорящих на американском варианте английского языка, Лабов выделяет следующие этапы языкового изменения:

- 1) начало изменения – в ограниченной подгруппе языкового сообщества данная форма усваивается всеми членами подгруппы;
- 2) последующие поколения говорящих внутри той же подгруппы воспринимают данное изменение как признак речи старшего поколения;
- 3) в той мере, в какой ценности данной подгруппы престижны, они распространяются в остальные подгруппы;
- 4) сфера распространения новшества совпадает с границами языкового сообщества;
- 5) под влиянием новшества перестраивается фонологическая система языка, обслуживающая данное сообщество;
- 6) структурные перегруппировки влекут за собой изменения и цикл повторяется.

При этом важен социальный статус подгруппы, внутри которой зародилось новшество. Если эта подгруппа не занимает доминирующего положения в обществе, то члены привилегированных подгрупп подвергают новшество осуждению. С этого времени начинается процесс исправления измененных форм в сторону авторитетных образцов. Следствием этого является стилистическое разграничение: престижный образец используется в официальной речи, а новшество, одобряемое лишь частью говорящих, распространяется в непринужденной речи. Если измене-



ние возникает в подгруппе, имеющей высокий социальный статус, то оно становится превалирующим для всех членов языкового сообщества. У. Лабов, на наш взгляд, прав, говоря, что внутренние (языковые) и внешние (социальные) факторы в процессе эволюции языка вступают в систематическое взаимодействие друг с другом.

С точки зрения функционирования языка в различных группах говорящих и сосуществования различных норм и ценностей в одном речевом сообществе интересным представляется исследование Лабовом вопроса о влиянии социальной мобильности на речь носителей американского варианта английского языка. Согласно результатам исследования Лабова, та часть населения, которая движется из низших слоев общества в высшие, воспринимает нормы группы, более высокой по социальному статусу. Социально стабильные говорящие стремятся к достижению баланса собственных и внешних норм. Наконец, носители, перемещающиеся из престижных социальных групп в слои пониженного уровня, не воспринимают большую часть новых норм.

Основное сходство концепций Поливанова, Панова, Лабова заключается в том, что они исходят из сложного характера взаимовлияния языка и общества, отсутствия жёстких зависимостей между языковыми и социальными процессами. Кроме того, если в отечественной социолингвистике внимание обращено на макропроцессы, охватывающие все уровни языка и социальные группы, то американская социолингвистика склонна к изучению микропроцессов, которые характеризуют языковую жизнь отдельных социальных групп.

### **Вопросы для самопроверки**

1. Какие школы социолингвистики возникли в начале XX века? В чем специфика исследований каждой из этих школ?

2. Назовите принципиальные различия социолингвистики начала и второй половины XX века.
3. В чем, по мнению Е.Д. Поливанова, заключается специфика взаимосвязи языка и общества?
4. Как, с точки зрения Е.Д. Поливанова, социальные процессы влияют на развитие языка?
5. Каковы особенности функционирования языка как социального явления в концепции М.В. Панова?
6. Каковы особенности и основные этапы развития языковых новшеств с точки зрения У. Лабова?
7. Как процессы мобильности влияют на речевое поведение?

### Рекомендуемая литература

1. Беликов, В.И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социолингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
4. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
5. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## **Тема 3. ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ**

### **Вопросы**

1. Язык и речь.
2. Функционирование языка.
3. Сферы использования языка.
4. Речевая и неречевая коммуникация, коммуникативная ситуация.
5. Речевое общение, поведение, акт; коммуникативная компетенция носителя языка.

### **3.1. Язык и речь**

Язык неразрывно связан с обществом, его культурой и людьми. С другой стороны, язык используется каждым отдельно взятым человеком. В первом случае язык выступает как общественное явление, как система единиц, правила употребления которых хранятся в коллективном сознании носителей языка, во втором случае наблюдается индивидуальное использование какой-либо части системы. Эта разница между системой языка и его функционированием в речи отдельного человека позволяет разделить понятия «язык» и «речь». Так как речь представляет собой использование имеющихся речевых средств и правил в языковом общении людей, то она может быть определена как функционирование языка.

Язык и речь тесно взаимосвязаны. Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе язык, на котором

никто не говорит и не пишет. В таком случае, как могли бы мы знать о его существовании? О древних языках мы знаем только благодаря сохранившимся письменным источникам. Но и речь не может существовать без языка. Без языка речь превращается в набор бессвязных, неорганизованных слов и звуков. Однако, несмотря на взаимосвязь языка и речи, они обладают рядом специфических характеристик:

1) язык – это система единиц, средство общения, а речь – реализация данной системы;

2) язык абстрактен, речь материальна, в ней корректируется и варьируется все, что существует в языке;

3) язык стабилен, статичен, что достигается системой норм, речь активна и динамична, для нее характерна высокая вариативность;

4) язык является достоянием общества, в нём отражается «картина мира» говорящего на этом языке народа; речь же индивидуальна, она отражает опыт отдельного человека;

5) для языка характерна уровневая организация, т. е. иерархические отношения, для речи – линейная последовательность слов, связанных в потоке;

6) язык независим от ситуации общения (иначе бы система разрушилась), речь же ситуативно обусловлена.

Таким образом, язык и речь соотносятся как общее и частное: общее (язык) выражается в частном (речь), частное же есть воплощение общего.

### **3.2. Функционирование языка**

Исходя из речевой ситуации и социальной роли в процессе общения, можно переключаться с одних языковых средств на другие в зависимости от условий коммуникации и адресата. Это означает, что в языке имеется набор средств, позволяющих об одном и том же говорить по-разному. Эта возможность лежит в основе языковой ва-

риативности. Разные языковые варианты могут использоваться в зависимости от социальных различий между носителями языка и различий в условиях речевого общения. Так, московскими лингвистами проведено исследование зависимости между возрастом, местом рождения, профессией, уровнем образования и теми вариантами, которые предпочитают люди в своей речевой практике. В словах *езжу*, *брызжет*, *вожжи*, *дрожжи* представители старшего поколения и гуманитарной интеллигенции предпочитают мягкое [ж'], представители молодого поколения и технической интеллигенции – твёрдый вариант. Этот вид варьирования У. Лабов называет социальным, поскольку оно отражает дифференциацию языкового сообщества на социальные слои и группы в зависимости от возраста, образования, профессии. Лабов именует такого рода варианты, зависящие от социальных характеристик говорящих, **индикаторами**: каждый вариант указывает на социальное положение носителя языка.

Использование вариантов зависит от условий коммуникации: в официальной обстановке говорящий пытается контролировать свое произношение, выбирает варианты, соответствующие литературной норме, стремится, чтобы его речь была понятна слушающему, в неофициальной – выберет варианты неформального общения. Подобные варианты Лабов называет **маркёрами**: они маркируют различные стили речи, к которым принадлежат разные варианты одной языковой единицы. Итак, вариативность зависит от факторов двух видов: от социальных характеристик носителей языка и от ситуации речевого общения.

Понятие варианта тесно связано с нормой – совокупностью правил выбора и употребления языковых единиц. Норма рекомендует одни языковые средства как «законные», другие отвергает как противоречащие языковой традиции (запрещается говорить *в клубу*, *пекёт*). Нормы исторически изменчивы, но обновляются в силу консервативности литературного языка крайне медленно. Форми-

рование системы норм связано с оформлением литературного языка, который обслуживает культурные потребности общества: науку, культуру, печать, средства массовой информации, деловое общение. Вместе с тем, несмотря на консервативность литературного языка, норма достаточно динамична. Она не делит жестко языковые единицы на плохие и хорошие. Одни языковые средства пригодны в бытовом общении и могут быть неуместны в официально-деловом. Норма коммуникативно целесообразна, то есть зависит от условий, в которых осуществляется общение.

Нормативность присуща не только литературному языку. Она свойственна и другим подсистемам национального языка (диалекты, просторечия, жаргоны). Отличие литературной нормы в том, что она специально внедряется, пропагандируется в книгах, по радио, телевидению, в системе образования. В диалектах, просторечиях и жаргонах этого нет: есть традиция использования определённых единиц, которая сознательно не культивируется носителями, не оберегается от каких-либо влияний. Учитывая разницу между нормой пропагандируемой и нормой-традицией, уругвайский ученый Эдвард Косериу предложил разграничить два понятия нормы: в широком смысле норма соответствует тому, что по традиции используется в речевой практике, а в узком – является результатом целенаправленной деятельности общества по отбору, фиксации определенных языковых единиц в качестве образцовых, рекомендованных к употреблению.

Усилия общества по сохранению и пропаганде нормы называют **лингвистической кодификацией**. Кодификации подвергается не весь национальный язык, а те его подсистемы, которые социально приоритетны, важны в социальном и коммуникативном аспекте. Таким приоритетным средством общения выступает и литературный язык, который кодифицируется обществом, в то время как диалект и жаргон не подвергаются такой сознательной кодификации.

Как известно, речь обусловлена ситуацией коммуникации и социальной ролью, которые определяют выбор тех или иных языковых средств. В зависимости от целей и задач процесса общения применяются различные языковые средства. В результате создаются разновидности литературного языка – *функциональные стили*, т. е. исторически сложившиеся и существующие с определенной целью системы речевых средств, используемые в той или иной сфере общения. Стили языка получили название функциональных, поскольку они выполняют важнейшие коммуникативные функции, являясь средством общения, передачи информации, воздействия на слушателя. В соответствии с целью каждый функциональный стиль выбирает из литературного языка те формы и конструкции, которые могут наилучшим образом выполнить внутреннюю задачу стиля. Закрепленность различных средств языка за определенным стилем объясняется тем, что многие единицы языка имеют эмоционально-стилистическую окраску. Например, синонимы *врун – лжец, плакаться – сетовать, нехватка – дефицит* отличаются друг от друга своей стилистической принадлежностью: первые слова этих пар используются в разговорной речи, вторые – в официально-деловой и публицистической.

Каждый функциональный стиль представляет собой сложную систему, охватывающую все уровни языка: произношение слов, лексико-фразеологический состав, морфологические средства и синтаксические конструкции. Современному русскому языку присущи книжные функциональные стили: научный, публицистический, официально-деловой и разговорный, применяющийся в основном в устной форме. В современной науке ведутся споры относительно языка художественной литературы. Некоторые ученые выделяют его как самостоятельный стиль. Другие же считают эту точку зрения спорной, так как писатель в своем произведении использует все многообразие языковых средств. Академик В.В. Виноградов

полагает, что язык художественной литературы не вполне соотносим с иными стилями, типами или разновидностями речи: он использует их, включает в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально преобразованном виде.

Таким образом, стиль фильтрует и дифференцирует языковые средства в соответствии со своей внутренней задачей, которая зависит от социальных условий коммуникации.

Носителями вариативности в языке являются не только стили литературного языка, но и некодифицированные подсистемы национального языка, к которым относятся диалекты как носители территориальной языковой вариативности и социолекты как носители социальной вариативности.

**Диалект** – это территориальная разновидность языка, чаще всего применяемая для характеристики речевых особенностей сельских жителей. Основные свойства диалектов:

1) социальная и возрастная ограниченность (это главным образом сельские жители старшего поколения);

2) ограничение сферы использования диалекта бытовой коммуникацией;

3) исчезновение своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка. В связи с процессом кодификации диалект или разрушается полностью, или объединяется с другими диалектными системами в **интердиалекты**, распространенные на более широкой территории.

**Социолект** – совокупность языковых особенностей, присущих какой-либо социальной группе (профессиональной, сословной, возрастной). Примером социолектов могут служить особенности речи солдат, школьников, хиппи и т. д. Социолекты, в отличие от диалектов, не представляют собой целостной системы коммуникации: эти особенности распространяются на использование отдельных слов, словосочетаний, синтаксических конструкций, которые из-



меняются по общеязыковым моделям и правилам (*балда, кусок, мент, хаза, шмонать* – уголовное арго). Разновидностями социолектов являются арго, жаргон, сленг.

**Арго** – это в той или иной мере тайный язык, создаваемый для того, чтобы сделать язык социальной группы непонятным для других. По мнению Д.С. Лихачева, в арго проявляются особенности воровского мышления, магического отношения к миру, когда не вовремя сказанное слово, понятное окружающим, может навлечь беду. В связи с этим в преступном мире обычные слова заменяются арготическими, а также существует ряд табуированных тем, о которых не следует говорить даже на арго.

Ещё одной причиной существования арго, помимо секретности, является его экспрессивная функция.

В арго существует множество слов, которые по своему смыслу незначительно отличаются от нормативных, а потому не могут претендовать на секретность (*поджентиться* – завести сожительницу). В отдельных случаях слова арго отличаются от общеупотребительных по семантике: *люди* – те, кто соблюдает воровской закон.

Рассмотрим два текста.

**Текст 1.** «После живодерни мантулю в дымогарке на уголке. Моего напарника, мужика-кирюху, трюманули за махаловку и оборотку совком по бестолковке одному животному с блудой, он у него за шаронки царапнул антрацит». (После больницы работаю в кочегарке. Моего напарника, не принадлежащего к воровскому миру, посадили за драку в карцер. Он ударил совковой лопатой по голове мошенника, который украл из его куртки хлеб).

В представленном тексте лексический состав, характерный для арго, не позволяет понять лексический смысл информации. В других случаях употребление арго становится более понятным, поскольку в нём используются слова, вошедшие в литературный язык.

**Текст 2.** «Работяга Вильгельм Оранский поднял в стране шухер. Его поддержали гезы. Мадридская малина послала своим наместником герцога Альбу. Альба был тот герцог! Когда он приехал в Ни-

дерланды, голландцам пришла хана. Альба распатронил Лейден, главный голландский шалман. Остатки гёзов кантовались в море, а Оранский припух в своей зоне. Альба был правильный полководец. Солдаты его гужевались от пуза, в обозе шло тридцать тысяч шалашовок. Но Альба вскоре даже своим переел плешь. Все знали, что герцог в законе и на лапу не берет». (Л.Н. Гумилев «История отпадения Нидерландов от Испании»)

В данном случае понимание текста не затруднено, поскольку большинство слов внедрилось в современную разговорную речь. Это является следствием процесса демократизации языка в 20-е годы XX века, когда в связи с созданием нового литературного языка языковая норма была дестабилизирована, в повседневный язык проникли слова уголовного происхождения, которые закрепились в речевой практике, и вскоре их происхождение уже не осознавалось. С 30-х годов усилился контроль за письменной речью, но устная речь осталась под сильным влиянием аргю. Вторая волна арготизации началась с перестройкой. В связи с отменой цензуры арготизируется язык средств массовой информации и публичных выступлений: *Пахан не будет бороться со своей малиной* (В.В. Жириновский); *В обществе нужно жить по законам, а не по понятиям* (В.В. Путин). В разговорную практику на современном этапе развития языка арготизмы проникают не только снизу, но и сверху (из журналов, газет, телевидения, публичных выступлений).

Термин **сленг** более характерен для западной лингвистической традиции, а содержательно близок к тому, что понимается под жаргоном. Он представляет собой речевые особенности определенных профессиональных групп (сленг компьютерный, студенческий, молодёжный). В отдельных случаях это может быть как профессионально, так и социально изолированная группа. Речь такой группы отличается чертами профессионального и социального жаргона (речь студентов-компьютерщиков, солдатский жаргон).

Особое место в системе подсистем национального языка занимают *койне* и *просторечия*. Они объединяют в себе территориальные и социальные факторы и характеризуют в основном речь городского населения, где смешиваются территориальные и социальные речевые особенности.

Термин *койне* первоначально применялся лишь к общегреческому языку, который сложился в IV–III вв. до н. э. и служил единым языком деловой, научной и художественной литературы Греции до II–III вв. н. э.

В современной социолингвистике койне понимается как средство повседневного общения, связывающее людей, говорящих на разных региональных или социальных вариантах данного языка. В роли койне могут выступать наддиалектные формы языка – своеобразные *интердиалекты*, объединяющие в себе черты разных территориальных диалектов, – или один из языков, функционирующих в данном ареале.

Понятие *койне* особенно актуально при описании языковой жизни больших городов, в которых перемешиваются массы людей с разными речевыми навыками. Межгрупповое общение в условиях города требует выработки такого средства коммуникации, которое было бы понятно всем. Так появляются *городские койне*, обслуживающие нужды повседневного, главным образом устного, общения разных групп городского населения.

Помимо городских койне выделяют *койне ареала*, т. е. определенной территории, на которой распространен данный язык (или языки). Так, в многоязычной республике Мали (Африка) в качестве койне используется язык бамана, имеющий наддиалектную форму. Понятие *койне* иногда применяется и к письменным формам языка – например, к латыни, использовавшейся в качестве языка науки в средневековой Европе.

*Просторечие* – это речь необразованного и полубразованного городского населения, не владеющего литературными нормами. Просторечие можно рассматривать

как разновидность койне. Сам термин *просторечие* употребителен главным образом в отечественной социолингвистике, поскольку просторечие – «наиболее русская» языковая подсистема, специфичная для русского национального языка. Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких аналогов нет. Ни французская подсистема **langue populaire**, ни то, что в англоязычной лингвистической литературе называется **nonstandard** или **illiterate speech**, не являются подобиями русского просторечия, отличаясь от последнего как в отношении социальной базы (т. е. состава носителей), так и в отношении структурных и функциональных свойств.

Так, **langue populaire** только приблизительно соответствует русскому просторечию: хотя эта разновидность речи стоит между арго и фамильярным стилем литературного французского языка, она *аргоизована*, т. е. насыщена элементами различных социальных арго, в гораздо более сильной степени, чем русское просторечие (правда, конец XX века отмечен усилением влияния разнообразных арго и жаргонов на эту подсистему русского языка). Кроме того, и это главное, **langue populaire** – это не только социальная, но и стилистическая разновидность французского языка: носители литературного языка в ситуациях непринужденного общения используют элементы **langue populaire**. В русской же литературной речи просторечные единицы могут использоваться только с целью иронии, шутки, сознательного стилистического контраста и т. п.

То, что может быть сопоставлено с русским просторечием в английском языке, в частности в его американском варианте, – это так называемый **общий сленг**, который, однако, не имеет своих носителей, а является функционально-стилистической разновидностью английского языка (элементы общего сленга широко используются в средствах массовой информации). В последнее время

некоторые отечественные лингвисты настаивают на том, что и в русском языке можно выделить так называемый **общий жаргон**, занимающий промежуточное положение между просторечием и социальными жаргонами.

Еще более сложная картина в немецком языке, где промежуточные (между литературным языком и территориальными диалектами) формы **Halbmundart** и **Umgangssprache** содержат целый комплекс языковых, функциональных и социальных черт, не позволяющих однозначно квалифицировать эти языковые образования и, во всяком случае, приравнивать их к русскому просторечию по статусу и свойствам.

Просторечие реализуется исключительно в устной форме в таких наиболее типичных сферах и ситуациях, как семья (общение внутри семьи и с родственниками), очередь, «посиделки» во дворе коммунальных домов, суд (свидетельские показания, приём у судьи), кабинет врача (рассказ пациента о болезни) и немногие другие. В целом по сферам функционирования просторечие сопоставимо с территориальными диалектами: и в том и в другом случае преобладают узкобытовые и внутрисемейные ситуации общения.

Поскольку просторечие складывалось в результате смешения разных диалектных и жаргонных потоков, их преобразования в условиях городской языковой жизни, в нём сосуществуют черты южных и северных диалектов (например, *чаво, едутъ, местов, хотишь, в пальтё* и т. п.), и элементы жаргонной речи (*втихаря, по-быстрому, балдеть, приперлись по нахалке* и т. п., личные обращения типа *друг, кореш, хозяин* и др.).

Иногда говорят об **анормативности** просторечия: в нём может быть представлено всё, что допускается системой данного языка, его словарными и грамматическими возможностями. Это не совсем так. Действительно, в просторечии нет нормы в узком понимании термина **норма**, поскольку данную подсистему языка никто не кодифицирует. Но просторечию, как и другим некодифициро-

ванным подсистемам языка, присуща определенная традиция использования языковых средств. Иное дело, что здесь гораздо шире вариативность используемых единиц: носитель просторечия может сказать и *хотИшь*, и *хочешь*, и *делов*, и *дел* (родительный падеж множественного числа), и *ездию*, и *ездю*, и *езжу* и т. п.

### **Понятие о гендеролекте (мужская и женская речь: особенности и отличия)**

В последние десятилетия усилился интерес к изучению дифференциации языков в зависимости от пола говорящих. При этом одним из основных является тезис о том, что влияние половых различий между говорящими на их речь характерно не только для так называемых примитивных языков, но и для языков, обслуживающих современные цивилизованные общества.

Справедливо отмечено, что контакты между полами столь постоянны и интенсивны, что значительные языковые различия не могут долго удерживаться, однако все же считается, что в нашем обществе мужчины и женщины все еще имеют речевые особенности, которые создают известные трудности в осуществлении точной коммуникации.

Кажется, что в этом утверждении есть некоторое преувеличение роли половых различий в современных языках. В действительности, как показывают исследования различий между «мужской» и «женской» речью в конкретных языковых сообществах, эти расхождения касаются достаточно периферийных участков языка и едва ли могут создавать трудности при коммуникации.

Например, Р. Лакофф обнаружила любопытные несходства: в наборе цветообозначений (у мужчин-американцев их значительно меньше, чем у американок), этикетных и оценочных единиц (типа *darling* – «дорогой», *fine* – «замечательно»), в использовании некоторых типов синтаксических конструкций английского языка, женщины чаще, чем мужчины, используют эмоционально-

оценочную лексику и уменьшительные образования, в их речи шире спектр цветообозначений, чем у мужчин, речь которых, в свою очередь, имеет и другие отличия от женской (например, бóльшая приверженность жаргонным словам и выражениям, ненормативной лексике, более свободному использованию технической терминологии и др.). Различия проявляются также в зависимости от пола адресата речи, а также от того, в какой среде происходит речевое общение – однородной или смешанной по половому признаку: очевидно, например, что мужчины в общении между собой могут использовать такую лексику, которая малопригодна для общения с женщинами.

В конце XX века сформировалось особое направление социалингвистических исследований – **гендерная лингвистика**, изучающая все виды языкового и речевого варьирования, обусловленные полом носителей языка. Это направление в социалингвистике возникло не без влияния социологии, в которой издавна рассматриваются различия в статусах и в ролевом поведении людей, обусловленные их половой принадлежностью.

В некоторых обществах разница в речи между мужчинами и женщинами столь заметны, что можно говорить о двух «языках» – мужском и женском. Например, в чукотском языке, по свидетельству В.Г. Богораза, существует особое женское произношение. Женщины, в отличие от мужчин, произносят вместо *ч* и *р* только *ц*, особенно после мягких согласных. В японском языке различия в мужской и женской речи имеются не только на уровне лексики и грамматики, но и на уровне фонетики: в частности, для речи женщин характерен «щебечущий тембр», тогда как для мужчин – отрывистый, «рвякающий». Даже в некоторых говорах русского языка обнаруживаются реликты «женского» произношения: так называемое «сладкогласие» – произнесение вместо звука [р] звука [й]: *бйат*, *бейоза* (брат, береза). В языке одной из народностей, живущих на Малых Антильских островах, два словаря: один используется мужчинами (и женщинами,

когда они говорят с мужчинами), а второй – женщинами, когда они говорят между собой. В языке индейцев Северной Калифорнии (США) одни и те же предметы и явления называются по-разному в зависимости от того, кто о них говорит – мужчина или женщина.

В культурных обществах различия между мужчинами и женщинами в языке значительно меньшие, они касаются главным образом не набора языковых единиц, а частоты их применения, а также речевого поведения, отношения к языку, языковых вкусов и предпочтений и т. п. Например, английские конструкции типа *John is here, isn't he?* более характерны для речи американок, мужчины-американцы предпочитают прямой вопрос: *Is John here?* Конструкции с усилительным *so*: *I feel so unhappy!* *That sunset is so beautiful!* – естественнее звучат из уст женщин. Афроамериканки весьма чувствительны к языковым неправильностям, особенно в ситуациях, требующих повышенного внимания к собственной речи. В этих случаях они употребляют меньше непринятых, ненормативных форм, чем мужчины, и более восприимчивы к социально престижным языковым моделям, распространенным в культурной среде.

Отмечая подобные различия в использовании языка, исследователи справедливо считают, что в большинстве случаев они характерны для обществ, в которых существует социальное разделение людей по полу. Положение мужчин и женщин в таких обществах различно (и в правовом, и в бытовом отношении), и расхождения в языке – естественное следствие этого социального неравенства. Однако даже и при этом условии значительные различия в языке между полами редки: речевое общение мужчин и женщин столь регулярно и интенсивно, что яркое своеобразие не может долго удерживаться.

Вместе с тем элементы языковых различий в зависимости от пола говорящих имеются и в цивилизованных обществах, в частности даже в тех, где формально нет



социального неравенства мужчины и женщины. Например, в современном российском можно отметить разный стиль приветствия в гендерных позициях: мужчины, особенно молодые и хорошо знакомые друг с другом, могут употреблять наряду с формами *здравствуй(-те)*, *привет*, *добрый день* и другими и форму *здорово*, которая женщинам менее свойственна. Обращения также более разнообразны у мужчин:

- *Садитесь, мамаша!* (к пожилой незнакомой женщине);
- *Друг, дай закурить!* (к незнакомому мужчине);
- *Спокойно, папаша!* (Деточкин в фильме «Берегись автомобиля!»).

В речи женщин подобные обращения редки. Напротив, апеллятивы типа *детка* (по отношению к ребенку), *милочка* и некоторые другие чаще употребляют женщины.

Иногда различия в использовании тех или иных слов более глубоки и, по-видимому, отражают традиционную разницу в общественном положении мужчины и женщины. Например, слова *вдова* и *вдовец* имеют разные возможности употребления в так называемой посессивной конструкции: можно сказать *Это вдова Петра Николаевича*, но нельзя *Это вдовец Ольги Ивановны*. Если по-английски сказать *He's a professional* и *She's a professional*, то первая фраза понимается в том смысле, что некто хорошо владеет какой-либо профессией (например, он хороший врач или судья), а вторая фразой большинством говорящих по-английски будет понята в смысле «Она – проститутка». Весьма интересны также наблюдения Р. Лакоффа, какие названия животных метафорически применимы к мужчине, а какие – к женщине: *dog* (собака) и *bitch* (сука), *fox* (лис) и *vixen* (лисица, а в переносном смысле – сварливая женщина, ведьма) и т. п.

Феминистическая лингвистика выделяет следующие черты языковой андроцентричности (под андроцентричностью или андроцентризмом языка понимают наличие в нём гендерной асимметрии в пользу мужчин):

1) отождествление понятий «человек» и «мужчина»: во многих языках они обозначаются одним словом;

2) производность имен женского рода (Paula ← Paul, Ольга ← Олег);

3) применение имен мужского рода к референту-женщине осознается как допустимое, повышающее ее статус; наоборот, номинация мужчины формой женского рода несет негативную оценку;

4) механизм включенности (*учитель* – и мужчина, и женщина);

5) синтаксическое (не смысловое) согласование;

6) фемининность и маскулинность резко разграничиваются как полюса и противопоставляются друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценки) и в количественном отношении (доминирование мужского как общечеловеческого).

Как своеобразный протест против подобной гендерной асимметрии в речи ряда представительниц молодежных неформальных течений появились некоторые своеобразные «протестные» глагольные формы вроде «*Я сидемиш дома и делаемиш уроки*» вместо «*Я сидела дома и делала уроки*». Однако, поскольку подобная «лингвистическая инициатива» не нашла поддержки не только в широких массах, но и у мужской части тех же самых неформалов, подобные формы, вместо того чтобы нивелировать речь по признаку гендера, фактически усиливают гендерную асимметрию, а потому очень быстро сходят на нет: цельто не достигается.

Между тем в большинстве случаев различия между «мужской» и «женской» речью носят скорее количественный, чем качественный характер: таких-то элементов в речи мужчин больше, чем в речи женщин, и наоборот. Тем не менее постулат о зависимости речевых особенностей от деления носителей языка по полу не подлежит сомнению: такая зависимость существует и проявляется многообразно.

С течением времени социальные функции мужчины и женщины медленно, но верно сближались, однако и по сей день различия между мужской и женской речью во многом сохраняются. Женская речь консервативнее (не случайно диалектологи стремятся наблюдать именно речь женщин, особенно изучая синтаксис). В словаре женщин больше эмоционально-оценочных слов, прежде всего уменьшительно-ласкательных, больше эвфемизмов; в их речи чаще звучат слова с мягкими согласными; для женской фонетики характерно более выразительное участие губ (в сравнении с мужской артикуляцией тех же губных звуков). В стилистическом плане мужская речь более книжна, чем женская (конечно, при сопоставимости темы и условий общения), сложнее по синтаксису и насыщенные интеллектуально (однако не эмоционально).

### 3.3. Сферы использования языка

Из сказанного ранее становится ясно, что язык может обслуживать очень широкий спектр коммуникативных потребностей отдельного человека и общества в целом. В соответствии с разными областями человеческой деятельности – производством, образованием, наукой, культурой, торговлей, бытом и т. п. – выделяются и разные сферы использования языка (или языков, если речь идет о неодноязычном обществе).

**Сфера использования языка** – это область внеязыковой действительности, характеризующаяся относительной однородностью коммуникативных потребностей, для удовлетворения которых говорящие осуществляют определенный отбор языковых средств и правил их сочетания друг с другом.

В результате подобного отбора формируется более или менее устойчивая (для данного языкового сообщества) традиция, соотносящая определенную сферу человеческой деятельности с определенным языковым кодом (субкодом) –

самостоятельным языком или подсистемой национального языка. Так, в средневековой Европе латынь была коммуникативным средством при богослужении и в науке. Другие сферы деятельности обслуживались соответствующими национальными языками и их подсистемами. В России роль культового коммуникативного средства долгое время принадлежала церковно-славянскому языку.

Языки и их подсистемы по сферам деятельности могут распределяться не строго: один из языков или одна из подсистем преобладают в данной сфере, но допускается использование элементов и других языков (подсистем). Например, в семейном общении жителей современной русской деревни преобладает местный диалект, который применяется ими при выполнении сельскохозяйственных работ. Однако сейчас чистый диалект – редкость, сохранившаяся лишь у некоторых представителей старшего поколения сельских жителей. В основном же он сильно «разбавлен» элементами литературного языка и просторечия. Так, в Белоруссии в сфере гуманитарного образования принят белорусский язык (это поощряется официально проводимой политикой государства), но можно встретить и элементы близкородственного русского языка. В сфере производства, несмотря на государственную поддержку родного языка, преобладает русский язык (в специальной терминологии, технической документации, профессиональном общении специалистов). Причем использование белорусского, естественно, не возбраняется.

### **3.4. Речевая и неречевая коммуникация, коммуникативная ситуация**

В социолингвистике коммуникация – это синоним общения. Коммуникация может быть речевой и неречевой, вербальной и невербальной. Так, общение людей в ряде спортивных игр не обязательно включает вербальный компонент или включает его минимально в виде возгла-

сов. С помощью речи осуществляется большая часть видов человеческой коммуникации, представляющих для социолингвистов первостепенный интерес.

Речевая коммуникация происходит в рамках коммуникативной ситуации, которая зависит от социальных ролей и стиля общения между партнерами (на одном уровне, отношения превосходства, подчинения). Коммуникативная ситуация имеет определенную компонентную структуру: говорящий (адресант), слушающий (адресат), отношения между говорящим и слушающим и связанная с этим тональность общения (официальная, нейтральная, дружеская), цель общения, средства общения (язык или его подсистемы), способ общения (устный или письменный), место общения.

Эти компоненты – ситуативные переменные. Изменение каждой из них ведет к изменению коммуникации и, следовательно, к варьированию средств, используемых участниками ситуации. Так, общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большей официальностью используемых средств; при общении вне судебного заседания, то есть при смене места взаимосвязи речь становится более свободной. Меняется один параметр коммуникативной ситуации, и сразу же меняется выбор языковых единиц. Даже если судья и свидетель знакомы друг с другом, в условиях судебного заседания и с учетом их ролей им предписана официальная тональность контактов; вне этой обстановки, при возвращении к ролевым отношениям «знакомый – знакомый» («приятель – приятель») стиль взаимодействия может меняться на неофициальный, даже фамильярный с использованием средств разговорного языка, просторечия, жаргона.

В реальном общении ситуативные переменные взаимодействуют друг с другом, и каждая из них приобретает определенное значение во взаимосвязи с другими. Если меняется место общения, то это означает и изменение его

цели, и отношений между участниками коммуникации, и тональности общения.

Рассмотрим пример записи речи одного и того же лица, рассказывающего в разной обстановке о научной командировке. При этом в условиях сохранения темы меняется весь комплекс ситуативных переменных: цель, место, отношения между участниками коммуникации, тональность, контактность. Соответственно меняется весь строй речи: выбор лексики, синтаксические конструкции, интонационная структура высказывания, логическая последовательность изложения.

1. И вот эту протоплазму надо было... нет, не примеры даже или что... найти, а всю картотеку облазить. Причем черт их знает, может их вообще нет там, этих терминов. (*Беседа с друзьями.*)

2. Неважно съездила: у меня ведь не было списка слов, надо было как-то исхитриться разыскать в картотеке не отдельные термины, а всю группу терминов. Причем никто – ни заведующий картотекой, ни я сама не знали, есть ли они там вообще. (*Разговор с сослуживцами.*) – Более официальный, хотя *исхитриться* – это разговорное слово.

3. Очень трудно было отыскать в картотеке необходимые термины: я не имела точного списка, пришлось в значительной степени идти на ощупь. (*Устный отчет о командировке на заседании отделения.*) (*Идти на ощупь.*)

4. Во время командировки я собирала материалы об исследуемой мною группе терминов. Несмотря на трудности – отсутствие точного списка слов, недостаточность информации о наличии терминов интересующей меня тематики в картотеке, мне удалось найти ряд лингвистически содержательных примеров. (*Из официального отчета о командировке.*)

Ситуативные переменные имеют разный вес с точки зрения их влияния на характер коммуникативной ситуации. Большим весом обладают те переменные, которые отражают социальную заданность структуры общения, меньшим – переменные, отражающие изменчивость коммуникативной ситуации. Наиболее важной представляется цель коммуникации. Несмотря на то что тональность (характер отношения между говорящими) на первый

взгляд является второстепенной переменной, в действительности говорящие не только отчетливо чувствуют различия между официальным, нейтральным и дружеским общением, но заранее знают, какая тональность соответствует тем или иным коммуникативным ситуациям. Изменение места значимо в сочетании с другими переменными. Если со сменой места меняется зависимость одного участника коммуникации от другого, то меняется характер речевого общения (разговор с милиционером на улице и в отделении милиции). В других случаях с изменением места не меняется характер общения (общение учителя и ученика в классе и вне класса).

### **3.5. Речевое общение, поведение, акт; коммуникативная компетенция носителя языка**

Речевое общение – синоним речевой коммуникации. Важно подчеркнуть, что оба термина обозначают двусторонний процесс, взаимодействие людей в ходе общения. В отличие от речевого общения термином «речевое поведение» акцентируется односторонность процесса, то есть обозначаются те свойства и особенности, которые различают речь и речевые реакции говорящего и слушающего. Термин «речевое поведение» удобен при описании монологических форм речи, однако недостаточен при анализе диалога. Таким образом, термин «речевое общение» включает термин «речевое поведение».

Термин «речевой акт» обозначает конкретные речевые действия говорящего в рамках той или иной коммуникативной ситуации. Например, в ситуации покупки товара возможен диалог, содержащий различные речевые акты: запрос об информации (*Сколько стоит? Кто производитель? Из какого материала сделано?*), сообщение (*Две тысячи. Южная Корея. Натуральная кожа*), просьба (*Отложите, пожалуйста, я сбегая за деньгами*), обвинение (*Вы мне сдачу неправильно дали*).

В середине XX века английский философ Джон Остин, а вслед за ним американские ученые Джон Серль и Георг Грайс разработали теорию речевых актов, в которой выявили ряд закономерностей, характерных для процесса речевой коммуникации, и сформулировали принципы и постулаты, следование которым обеспечивает успех тому или иному речевому акту или в целом речевой коммуникации. Например: «Выражайся ясно», «Будь искренен», «Будь краток», «Избегай непонятных выражений».

Делаются попытки разработать нормы, не просто учитывающие закономерности использования речевых средств, но и регламентирующие их совмещение друг с другом в зависимости от характера коммуникативной ситуации. Примером могут служить правила, сформулированные американской исследовательницей Эрвин-Трипп. Она употребляет термин «правило» для констатации некоторых нормативных, типичных актов коммуникации, выделяя три типа подобных правил:

1) правила выбора речевых средств (общие для всех социальных слоев – специфические для социальных групп и слоев) – литературный язык, жаргон, диалект, просторечие;

2) правила следования, т. е. последовательность речевых действий при коммуникации: приветствие, благодарность, прощание. В соответствии с этим принимаются формулы прощания, приглашения, вызова по телефону, установления коммуникативного контакта;

3) правила совместной встречаемости: соединения в одном контексте тех или иных лексических, фонетических, интонационных, синтаксических единиц. Виды этих правил: а) горизонтальные, определяющие отношения между единицами беседы во времени (их временную последовательность); б) вертикальные, устанавливающие соотношения в данных коммуникативных условиях единиц разного уровня языковой структуры (выбор нормативной лексики должен сочетаться с нормативным произношением).



При всей условности рассмотренных правил идея социолингвистических грамматик, содержащих нормы социально-языкового поведения людей в различных ситуациях, весьма привлекательна и продуктивна.

В процессе речевой коммуникации люди используют средства языка для построения высказываний, которые были бы поняты адресатом. Однако только знание словаря и грамматики недостаточно для того, чтобы общение было успешным: надо еще знать условия употребления единиц и их сочетание. Помимо грамматики носитель языка должен усвоить ситуативную грамматику, которая предписывает использовать языковые средства в соответствии с характером отношений между говорящим и адресатом, с учетом цели общения и других факторов, которые в совокупности с языковыми знаниями составляют социальную компетенцию носителя языка. Разница между знанием языка и владением им состоит в том, что в первом случае индивид знает законы языка, характер сочетания его единиц, но не может варьировать единицы языка в зависимости от коммуникативной ситуации.

В сферу коммуникативной компетенции входят также правила этикета, правила общения ребёнка со взрослым, правила общения со своим и чужим, высшим, низшим и равным, правила соблюдения социальной дистанции при значительной социальной асимметрии участников коммуникации, различные поведенческие стратегии, управляющие реализацией таких актов, как просьба, требование, обвинение, угроза, обещание. Большинство этих правил и стратегий «неписаные». Еще не созданы ситуативные грамматики, которые бы регламентировали речевое поведение человека в зависимости от ситуации. Вместе с тем носители языка имеют представление о правилах и стратегиях речевого общения в разнообразных жизненных обстоятельствах, что обеспечивает нормальное и эффективное взаимодействие их друг с другом.

## Вопросы для самопроверки

1. Как проявляется единство и различия языка и речи?
2. В чем разница между понятием нормы в широком и узком смысле слова?
3. Каковы особенности литературного языка как коммуникативной системы?
4. Поясните сущность процесса кодификации.
5. Назовите способы взаимодействия литературного языка с некодифицированными подсистемами языка.
6. Как распределяются в обществе сферы использования языка?
7. Что такое функциональный стиль?
8. Что такое социолект, диалект, арг, сленг, койне, просторечие?
9. Как вы понимаете термин «гендеролект»?
10. Укажите различия между речевой и невербальной коммуникацией.
11. Как параметры коммуникативной ситуации влияют на речевое поведение?
12. Как распределяются факторы коммуникативной ситуации в зависимости от их способности повлиять на речевое поведение?
13. Чем различаются коммуникативное общение и коммуникативное поведение?
14. Что такое речевой акт? Какие типы речевых актов характерны для различных видов коммуникации?
15. Какие теории речевых актов вы знаете? В чем сущность этих теорий?
16. Что такое коммуникативная компетенция, что она включает?

### Рекомендуемая литература

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Виноградов, В.В. Литературный язык [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов // Избранные труды. История русского литературного языка. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/Article/Vin\\_Liter.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Vin_Liter.php).
4. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании ; под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М. : Наука, 1993. – С. 90–136.
5. Кирилина, А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.
6. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
7. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
8. Швейцер, А.Д. К проблеме социальной дифференциации языка [Электронный ресурс] / А.Д. Швейцер. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/Article/Schv\\_Soc.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/Schv_Soc.php)
9. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## **Тема 4. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО**

### **Вопросы**

1. Языковое сообщество. Языковая структура общества.
2. Родной, этнический язык.
3. Язык и его социальная дифференциация. Понятие кода и субкода. Социально-коммуникативная система.
4. Языковая ситуация.
5. Переключение и смешение кодов.
6. Интерференция.
7. Социальная регуляция речевого общения.

### **4.1. Языковое сообщество. Языковая структура общества**

Развитие общества влияет на эволюцию языка, задает ее направленность. В то же время, как считает Е.Д. Поливанов, однозначной взаимосвязи между языковыми и общественными изменениями нет. Совершенствование языка и прогресс общества во многом параллельны. Первые языковые системы в виде диалектов возникают уже в племенах первобытно-общинного общества. Однако язык как коммуникативной системы межплеменного общения еще не существовало, племена говорили между собой на близких диалектах. И только позднее, когда начинают формироваться государство и первые народности, на основе близких диалектов возникает язык, базировавшийся чаще всего на диалекте племени, вокруг которого про-

исходит становление государства. Так, по современным представлениям, древнерусский язык зародился на основе полянского диалекта. Позднее, когда из народностей складываются нация, появляется национальный язык, имеющий более сложную структуру, поскольку в нацию могут входить множество этносов. Например, на Западе под нацией понимают граждан, проживающих на территории определенного государства. Например, Франция – это французы, баски, выходцы из Африки, Восточной Европы. Так как языковая структура общества достаточно сложна, целесообразным представляется введение понятия **«языковое сообщество»**.

На первый взгляд, понятие «языковое сообщество» не нуждается в разъяснениях – это сообщество людей, говорящих на данном языке. Однако в действительности такого понимания недостаточно. Например, французы, живущие во Франции, и говорящие по-французски канадцы не составляют одного сообщества. Нельзя объединить в одно языковое сообщество англичан и американцев и т. д. Язык один и тот же (или почти один и тот же), а сообщества разные.

С другой стороны, составляют ли разные языковые сообщества люди, живущие в одном городе, работающие на одних и тех же предприятиях, но имеющие в качестве родных разные национальные языки, – например, русские, татары, украинцы?

Именно при изучении второго рода явлений – дву- и многоязычия при общности социальной жизни – возникла необходимость в понятии «языковое сообщество», с помощью которого можно определить социальные рамки, в которых функционирует один язык или несколько языков, взаимодействующих друг с другом.

**Языковое сообщество** – это совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредован-

ные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространённых в этой совокупности.

Границы распространения языков очень часто не совпадают с политическими границами. Самый очевидный пример – современная Африка, где на одном и том же языке могут говорить жители разных государств (таков, например, суахили, употребительный в Танзании, Кении, Уганде, частично в Заире и Мозамбике), а внутри одного государства сосуществует несколько языков (в Нигерии, например, более двухсот языков!). Поэтому при определении понятия «языковое сообщество» важно сочетание лингвистических и социальных признаков. Если же ограничиться лишь лингвистическими признаками, то речь будет идти о языке без учета той среды, в которой он используется. Если принимать во внимание только социологические признаки, то вне поля зрения останутся языки, функционирующие в данной социальной общности.

В качестве языкового сообщества могут рассматриваться совокупности людей, различные по численности входящих в них индивидов, – от целой страны до так называемых малых социальных групп (например, семьи, спортивной команды). Критериями выделения в каждом случае должны быть *общность социальной жизни* и наличие *регулярных коммуникативных контактов*. Одно языковое сообщество может быть объемлющим по отношению к другим. Так, современная Россия – пример языкового сообщества, которое объемлет, включает в свой состав языковые сообщества меньшего масштаба – республики, области, города. В свою очередь, город как языковое сообщество охватывает малые языковые сообщества – предприятия, учреждения, учебные заведения.

Чем меньше численность языкового сообщества, тем выше его языковая однородность.

В России существуют и взаимодействуют десятки национальных языков и их диалектов. В крупных рос-

сийских городах основные формы общественной жизни осуществляются с помощью уже значительно меньшего числа языков, часто на двух (Казань – татарский и русский, Майкоп – адыгейский и русский) или трёх (Уфа – башкирский, татарский и русский), а при национальной однородности населения – преимущественно на одном языке (Москва, Санкт-Петербург, Саратов, Красноярск).

В рамках таких языковых сообществ, как завод, университет, средняя школа, преобладает один язык общения. Однако в малых языковых сообществах – таких, как семья, где коммуникативные контакты осуществляются непосредственно, – может быть не один, а два языка.

#### 4.2. Родной, этнический язык

В двуязычных языковых сообществах многие индивиды владеют более чем одним языком; в таком случае языки различаются и по порядку усвоения, и по той роли, которую они играют в жизни билингва.

В отечественной социолингвистике первый усвоенный язык чаще всего называется **родным языком**. Но в повседневном обиходе, публицистике, а иногда и в научных работах это словосочетание часто употребляется в другом смысле: *Наши дети не понимают ни слова на родном языке; Горожане забывают родной язык* и т. п. – здесь под родным языком имеется в виду язык, специфичный для данного этноса. В этом значении применим термин **этнический язык**. Например, этническим языком эвенка всегда будет эвенкийский; если эвенк родился в Якутии, то его родным языком, скорее всего, будет якутский. А основным языком общения, в зависимости от рода занятия, в зависимости от места жительства, может оказаться русский.

Встречаются ситуации, когда с раннего детства ребенок в одинаковой степени хорошо усваивает два языка; фактически он чаще заговаривает на каком-то одном из них, но уже в дошкольном возрасте его компетенция

в каждом из языков неотличима от компетенции одноязычного ребенка. В этом случае родными естественно считать оба языка. Наконец, не так уж редко, особенно при эмиграции, возникают ситуации, когда одноязычный в раннем детстве ребенок, пройдя недолгий период двуязычия, полностью переходит на новый язык и к подростковому возрасту старый (прежде единственный известный ему) утрачивает практически полностью. В этом случае целесообразно родным считать именно второй язык. Итак, **родной язык** – это язык, усвоенный в детстве, навыки использования которого в основном сохраняются и во взрослом возрасте; родных языков может быть более одного. Всякий язык, которым индивид овладел после родного, называется вторым языком. Конечно, при таком определении вторых языков может оказаться несколько. Отличать второй по порядку овладения язык от третьего (иногда и последующих), как правило, нет нужды, поскольку функции неродных языков, степень владения ими мало зависят от порядка, в котором индивид начал их использовать.

Языки в двуязычном сообществе редко бывают равноправны. В общественной жизни, профессиональной деятельности, неформальном общении с друзьями и членами семьи человек может употреблять разные языки. При этом использование одного языка часто преобладает, и в таком случае говорят об основном (доминирующем языке); тогда остальные языки, известные индивиду, приобретают статус дополнительных языков – к ним коммуникант прибегает реже, чем к основному, и/или в социально менее значимых ситуациях. Часто основным язык тот, на котором осуществляется межэтническая коммуникация. Но даже в этнически однородной коммуникативной среде функции основного языка может выполнять не родной, а второй язык.

По тому, как индивид приобретает языковые навыки, языки подразделяются на усвоенные в живом общении (родным языком человек овладевает именно так) и вы-



ученные, те, которые индивид специально изучал в школе или самостоятельно. В англоязычной социолингвистике терминология более устойчива: первый по порядку усвоения язык называется *first language*, а любой усвоенный после него – *second language*; коммуникативно наиболее важный язык – *primary language*, а более ограниченный в использовании – *secondary language*. В англоязычной науке *second language acquisition* (в живом общении) противопоставляется *language learning* (через специальное изучение). *Second language acquisition* (усвоение второго языка) – отдельная языковедческая дисциплина на стыке психо- и социолингвистики.

#### 4.3. Язык и его социальная дифференциация. Понятие кода и субкода. Социально-коммуникативная система

Каждое языковое сообщество пользуется определенными возможностями общения – языками, их диалектами, жаргонами, стилистическими разновидностями языка. Любое такое средство можно назвать **кодом**. В самом общем смысле **код** – это средство коммуникации: естественный язык (русский, английский, сомали и т. п.), искусственный язык (эсперанто, современные машинные языки, азбука Морзе, морская флажковая сигнализация и т. п.).

В лингвистике кодом принято называть языковые образования: язык, территориальный или социальный диалект, городское койне, пиджин, лингвафранка и т. п.

Наряду с термином **код** употребляется и термин **субкод**. Он обозначает разновидность, подсистему некоего общего кода, коммуникативное средство меньшего объема, более узкой сферы использования и меньшего набора функций, чем код. Например, такие разновидности современного русского национального языка, как литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальный жаргон – это субкоды, или подсистемы, единого кода (русского национального языка).

В дальнейшем термины *субкод* и *подсистема* будут рассматриваться нами как синонимы.

Субкод, или подсистема, также может члениться на разновидности и тем самым включать в свой состав субкоды (подсистемы) более низкого уровня и т. д. Например, русский литературный язык, сам являющийся субкодом по отношению к национальному языку, делится на две разновидности – кодифицированный язык и разговорный язык, каждая из которых обладает определенной самодостаточностью и различается по функциям: кодифицированный язык используется в книжно-письменных формах речи, а разговорный – в устных, обиходно-бытовых формах. В свою очередь, кодифицированный литературный язык дифференцирован на стили, а стили реализуются в разнообразных речевых жанрах; некое подобие такой дифференциации есть и в разговорном языке.

В отечественной социолингвистике субкоды часто именуются *формами существования языка*, на Западе их называют также *регистрами* данного языка.

Совокупность кодов и субкодов в определенном языковом сообществе, находящихся друг с другом в отношениях функциональной дополнительности, называется *социально-коммуникативной системой* этого сообщества.

В этом определении требует разъяснений словосочетание «функциональная дополнительность». Оно означает, что каждый из кодов и субкодов, образующих социально-коммуникативную систему, имеет свои функции, не пересекающиеся с функциями других кодов и субкодов (тем самым все они как бы дополняют друг друга по функциям).

Например, каждый стиль литературного языка – научный, официально-деловой, публицистический – имеет свои специфические функции, не свойственные другим стилям, а вместе они функционально дополняют друг друга, образуя систему, способную «обслуживать» все коммуникативные потребности данного общества (которое можно условно назвать обществом носителей литера-

турного языка; кроме них, есть еще, например, носители диалектов, просторечия) и все сферы общения.

В многоязычном обществе социально-коммуникативную систему образуют разные языки, и коммуникативные функции распределяются между ними (при этом каждый из языков может, естественно, подразделяться на субкоды – диалекты, жаргоны, стили).

Понятие социально-коммуникативной системы ввёл в научный оборот в середине 1970-х годов московский ученый А.Д. Швейцер. Он особо подчеркивал функциональный аспект этого понятия: «Отношение функциональной дополнительности означает социально детерминированное распределение сосуществующих в пределах данного языкового коллектива систем и подсистем по сферам использования (книжно-письменная речь, бытовое общение) и общественным функциям (наука, культура, образование, религия), с одной стороны, и по социальным ситуациям – с другой» [18, с. 31].

#### 4.4. Языковая ситуация

Компоненты социально-коммуникативной системы, обслуживающей различные языковые сообщества, находятся друг с другом в определенных отношениях. На каждом этапе существования языкового сообщества эти отношения относительно стабильны. Вместе с тем изменение политической обстановки в стране, смена государственного строя, экономические преобразования и другие факторы могут каким-то образом влиять на состояние социально-коммуникативной системы, на её состав и на функции её компонентов – кодов и субкодов.

Функциональные отношения между компонентами социально-коммуникативной системы на конкретном этапе существования данного языкового сообщества формируют *языковую ситуацию*, характерную для этого сообщества.

Понятие *языковая ситуация* применяется обычно к большим языковым сообществам – странам, регионам, республикам. Для этого понятия важен фактор времени: по существу, языковая ситуация – это характеристика социально-коммуникативной системы в определенный период ее функционирования.

Например, на Украине, где социально-коммуникативная система включает в качестве главных компонентов украинский и русский языки (помимо них есть белорусский, болгарский, венгерский, чешский и некоторые другие), до распада СССР наблюдалось относительное динамическое равновесие между этими языками. Существовали школы и с украинским, и с русским языком обучения, в науке и высшем образовании были в обращении оба языка, в известной мере доля сферы применения (естественные и технические науки – преимущественно на русском языке, гуманитарные – преимущественно на украинском). В бытовом общении выбор языка определялся интенциями говорящего, типом адресата, характером ситуации общения и т. п. В 90-е годы XX века функции русского языка на Украине резко сужаются, он вытесняется украинским языком из сфер среднего и высшего образования, науки, культуры; применение русского языка в бытовом общении также сокращается. Эти перемены – несомненное свидетельство изменения языковой ситуации, в то время как состав социально-коммуникативной системы, обслуживающей украинское языковое сообщество, остаётся прежним.

#### **4.5. Переключение и смешение кодов**

Как уже говорилось, коды (языки) и субкоды (диалекты, стили), составляющие социально-коммуникативную систему, функционально распределены. Это значит, что один и тот же контингент говорящих, которые образуют данное языковое сообщество, владея общим набором коммуникативных средств, использует их в зависимости от условий об-

щения. Например, если вести речь о субкодах литературного языка, то в научной деятельности носители литературного языка употребляют средства научного стиля речи, в делопроизводстве, юриспруденции, административной переписке прибегают к возможностям официально-делового стиля, в сфере религиозного культа – к словам и конструкциям стиля религиозно-проповеднического и т. д. Иначе говоря, в зависимости от сферы общения говорящий *переключается* с одних языковых средств на другие.

Похожая картина наблюдается и в тех обществах, где в ходу не один, а два языка (или несколько). *Билингвы*, т. е. люди, владеющие двумя (или несколькими) языками, обычно «распределяют» их в зависимости от условий общения: в официальной обстановке, при общении с властью используется преимущественно один язык, а в обиходе, в семье, при контактах с соседями – другой (другие). И в этом случае можно говорить о переключении с одного кода на другой, только в качестве кодов фигурируют не стили одного языка, как в первом примере, а разные языки.

**Переключение кодов**, или кодовое переключение, – это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации.

Что заставляет говорящего менять код? Например, *смена адресата* (т. е. того, к кому обращается говорящий), владение адресатом или третьим собеседником только одним языком. Фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть *изменение роли* самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, обращаясь же в органы исполнительной власти, говорящий вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если такого переключения не произойдет, адресант может быть не понят, в связи с чем не достигнет своей цели (удовлетворить просьбу, рассмотреть жалобу и т. п.), иначе говоря, потерпит *коммуникативную неудачу*.

*Тема общения* влияет также на выбор кода. Например, «производственные» темы члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т. п. Но как только тема с производственной меняется на бытовую, «включается» другой языковой код или субкод – родной язык или диалект собеседников. В одноязычном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства.

Способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определенной коммуникативной и общей культуре человека. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам.

Переключение кодов следует отличать от таких явлений, как **заимствование** языковых единиц и их **вкрапление** в речь. Хрестоматийным примером переключения кодов является смена русского языка на французский (и обратно) в речи дворян в «Войне и мире» Л.Н. Толстого. При этом общение и на русском, и на французском происходит в соответствии с нормами каждого из этих языков.

Когда те же герои, говоря по-русски, употребляют слова *министр, политика, гвардия*, то перед нами – заимствования, подчиняющиеся нормам русского языка: в них согласные смягчаются перед [e], гласные подвергаются редукции в безударном положении, существительные склоняются и имеют признаки определенного грамматического рода, глаголы спрягаются и т. д.

Примерами вкраплений могут быть обороты типа *се ля ви (c'est la vie)*, латинские выражения *alter ego, terra incognita* и подобные им.

#### 4.6. Интерференция

В речи билингва происходит взаимовлияние языков, которыми он пользуется. Это взаимовлияние касается как речи, так и языка и может проявляться в любых языковых подсистемах: в фонетике, грамматике, лексике. Всякое воздействие одного языка билингва на другой, а также результат этого воздействия называется **интерференцией**. Обычно под интерференцией понимают только неконтролируемые процессы, а сознательные заимствования к ней не относят.

Направление интерференции может быть различным. Наиболее частой является интерференция родного языка на второй, однако, если второй язык становится основным, он может воздействовать на родной. Это легко заметить по русской речи эмигрантов из России, проживших в иноязычной среде несколько лет. Интерференция проявляется на разных уровнях: фонетическом (интонация и звуки), грамматическом (артикл, род существительных), синтаксическом (порядок слов, модели управления).

Проницаемость разных систем языка для интерференции различна. В фонетической области интонации родного языка сказываются на интонации дополнительного (построение вопросительных предложений изучающими немецкий язык и русский как иностранный). В системе произношения ведущим будет влияние системы родного языка на другие. Фонологическая интерференция проявляется в трех аспектах:

1) недоразличение фонем (снятие противопоставления по мягкости- твердости в словах типа *рад/ряд* в белорусском этнолекте русского языка);

2) сверхразличение фонем (француз может различать открытое и закрытое [E] в русском языке, хотя для фонетической системы носителей русского языка это не свойственно);

3) реинтерпретация фонем (немцам свойственно в большинстве случаев путать звонкие и глухие звуки: звонкие зачастую представлены как глухие, но в отдельных случаях возможно озвончение глухих). В области фонетики сохраняется и тип редукции родного языка. Русские и немцы с трудом осваивают произношение конечных звонких согласных в английском (в русском – оглушение, в немецком – не выражено противопоставление). Люди с родным украинским языком переносят на русский привычную модель сохранения звонкости согласного в конце слова и перед глухим.

В грамматической области интерференция часто связана с невольной интерпретацией грамматических категорий второго языка через призму родного: приписывание русским словам *боль*, *мозоль*, *собака* мужского рода в соответствии с нормой белорусского языка.

Интерференция может проявляться и в синтаксисе. Несмотря на относительную свободу порядка слов в грузинском языке, позиция некоторых членов предложения жёстко закреплена. Так, в отличие от русского управляющее слово предшествует в норме управляемому, а глагол-сказуемое оказывается на последнем месте. Эта особенность резко выделяет русскую речь грузин: *«Мы вошли в первую же классную комнату, где третьеклассники оказались»*, *«В городе расположенное трехэтажное здание школы-интерната радовало сердца посетителей»*. Кроме того, использование русской частицы *что* в функции грузинской *ра*, выражающей настоятельную просьбу в побудительных предложениях, приводит к следующему построению фраз: *«Приходи что ко мне! Дай что мне книгу»*.

Чем больше различие между языками, тем теоретически больше потенциальных возможностей для интерфе-



ренции, но в родственных языках она менее заметна даже самому говорящему. Поэтому у билингвов, свободно владеющих и постоянно пользующихся близкородственными языками, интерференция становится почти неизбежной. Интерференция – явление, свойственное индивиду, однако при массовом двуязычии однотипные интерференционные процессы характеризуют речь многих лиц и, закрепившись в идиолектных языковых системах, начинают воздействовать и на языковую компетенцию монолингвов, что приводит к языковым изменениям. Как только интерференция получает признание в языке (становится частью стандарта определенного языкового кода), она не ощущается в этом коде как нечто чужеродное, т. е. перестает быть таковой для всех, кроме лингвистов.

#### 4.7. Социальная регуляция речевого общения

Социальный контроль в области языка проявляется в пропаганде и/или запрещении определенных стандартов речевого общения. Носителем их является кодифицированная система языка. Эти нормы достаточно условны, на их месте могли оказаться другие единицы языка с теми же функциями, тем не менее культурная и языковая традиция закрепила именно эти речевые формы, а не какие-либо другие. Например, в Индии о лице, занимающем высокое социальное положение, принято говорить, употребляя местоимение и глагольные формы множественного числа (русское *Вы*). В буквальном переводе это звучит так: *Судья начали заседание; Доктор заняли место председателя*. Такое лицо и о себе говорит в почтительной форме (*нас предупредили, мы пошли*). С этим можно сравнить устаревшие русские обороты: *Барин гневаются, барыня кушают*. Местоимение *ты* используется при дружеском обращении вышестоящего к нижестоящему или старшего по возрасту к младшему. Такое обращение возможно в случае, если говорящий ощущает большое

интеллектуальное господство над адресатом (сельский мудрец, к которому обращаются за советом).

В Венгрии, по наблюдению лингвиста Ф. Панна, обращение на *ты* распространено в среде интеллигенции, даже если люди плохо знакомы и/или между ними большая разница в возрасте. В простонародье принято обращение на *Вы* (даже между супругами: жена к мужу обращается на *Вы*, муж к жене – на *ты*).

В сельских районах Мексики употребление испанского *ты* и *вы* достаточно своеобразно. Учтливое *Вы* может использоваться не только в официальной обстановке, при обращении младшего к старшему, но и к собакам и кошкам, в то время как к другим животным на *ты*. Это связано со спецификой культуры, в которой собакам и кошкам отводится большое место, они постоянно находятся в доме и являются, по сути, членами семьи. Местоименное обращение *Вы* служит своеобразным отличительным признаком этих животных от других. Данный пример наглядно демонстрирует, как определенные культурные традиции фиксируют определенные речевые нормы.

Формы речевого этикета отличаются не только национальным, но и социальным своеобразием, зависят от социального положения участников коммуникации, их пола и возраста, характера взаимоотношений. Речевой этикет – одна из зон, подверженных влиянию социальных факторов, регулирующих использование языковых средств. Социальные факторы не только формируют условия, в которых функционирует язык, но и упорядочивают нормы употребления языковых единиц. То есть социальное своеобразие, особенности социальной дифференциации общества, социальное положение и статус человека входят в ткань речи.

### **Вопросы для самопроверки**

1. Что общего между социальной и языковой дифференциацией общества?
2. Как соотносятся код и система субкодов?
3. В чем состоят особенности коммуникации в условиях билингвизма?
4. Каково распределение языков в условиях билингвизма?
5. Как в речевой деятельности в условиях билингвизма проявляется влияние одного языка на другой?
6. Назовите механизмы социальной регуляции речевого общения.

### **Рекомендуемая литература**

1. Беликов, В.И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социолингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
4. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
5. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## **Тема 5. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ**

### **Вопросы**

1. Проявление социального статуса и роли личности в языке.
2. Языковая социализация, проблема влияния социальной среды на владение языком.

### **5.1. Проявление социального статуса и роли личности в языке**

Известно, что общество социально неоднородно и многообразно. Его социальная структура состоит из социальных классов, групп, страт. Индивид входит в огромное количество социальных групп и владеет соответствующим количеством языковых разновидностей. Между диалектом или целым языком и индивидуализированной речью обнаруживается некоторый тип языковой общности, бытующий среди людей, связанных общими интересами. Такими группами могут быть семья, ученики школы, дружеская компания и тысячи иных групп самого разнообразного характера. Таким образом, речь индивида – это комплекс известных индивиду и применяемых в подходящих коммуникативных контекстах социальных модификаций языка.

Всякая социальная характеристика индивида проявляется в использовании им языка. Речевые особенности служат важнейшим признаком определения статуса собеседника. Бывает достаточно одной-двух отличитель-

ных черт произношения, чтобы понять, с кем имеем дело, что за человек перед вами.

Род занятий, несомненно, влияет на характер использования языка. Например, работники интеллектуального труда обращаются к литературному языку, жители сельской местности выделяются диалектами, а люди физического труда наряду с литературным языком склонны к просторечию, профессиональному жаргону. Лица, по своей профессии связанные со словом (писатели, журналисты, радио- и теледикторы и т. д.), в большей степени следуют традиционной норме.

Подобные расхождения наблюдаются и в группах людей, различающихся уровнем и характером образования. С повышением уровня образования возрастает приверженность литературному языку, поскольку в большинстве стран языком всех видов образования является литературный. Кроме того, важен характер образования. Гуманитарии более консервативны в своих языковых привычках и предпочтениях. В устной речи технической интеллигенции отмечаются черты жаргонизации, не всегда одобряемые нормой.

Разному возрасту присущи разные модели речевого поведения. Например, в речи детей можно отметить следующие особенности: 1) противопоставление по величине (*маленькая капля – большая капля*); 2) изменение звучания слова, особенно сложных (*велосипед – лисопед, теплый – тепа*). Произношение пожилых людей отличается нечёткостью, некоторой бессвязностью синтаксических конструкций.

Различия можно обнаружить в речи людей и в зависимости от пола. Так, в обществах, в которых гендерная принадлежность обуславливает социальное неравенство, разница в речи женщин и мужчин особенно заметна. Такое отражение социального разделения по полу в обществе и расхождение в языке является естественным следствием этого социального неравенства.

В современном российском обществе мужчины и женщины по-разному приветствуют друг друга: мужчины, помимо принятых в обществе форм, могут употреблять *здорово*, что меньше свойственно женщинам. Обращения также более разнообразны у мужчин: *браток, брат, друг, друган, папаша, мамаша*. В речи женщин такие обращения редки, но встречаются другие: *детка* (по отношению к ребенку), *милочка*.

Таким образом, разделение носителей языка по полу не подлежит сомнению: подобная зависимость особенности речи от половой принадлежности существует и проявляется многообразно. В большинстве случаев различия между мужской и женской речью сводятся скорее к количественным расхождениям, нежели к качественным.

Социальные роли, связанные с кратковременными и постоянными характеристиками, накладывают отпечаток на поведение и даже образ жизни данного человека. Сказываются они и в речи: *начальственный окрик; хорошо поставленным актерским голосом; говорит, как учитель; кричит, как базарная торговка*.

## **5.2. Языковая социализация, проблема влияния социальной среды на владение языком**

Вхождение человека в общество во многом происходит через освоение языка, который выступает, по мнению Эдварда Сепира, «мощным фактором социализации». Ребёнок при рождении ещё не является вполне человеком в социальном смысле слова. Он представитель рода человеческого только биологически. Социальные свойства и функции приобретаются им только в процессе воспитания и общения с остальными. Произносить звуки, слова, понимать речь окружающих ребёнок учится в человеческом общении. Если в раннем возрасте (до 1–2 лет) его изолировать от людей, то речь у него не развивается.

В 1920 году индийский миссионер нашел в джунглях, в волчьем логове, двух девочек разного возраста (восьми и полутора лет). Хотя оба ребенка обладали физическими свойствами людей, они во многом вели себя, как волки: передвигались на четырех конечностях, могли есть только сырое мясо, прежде чем принять пищу, обнюхивали её. Дети хорошо видели в темноте, боялись огня, чувствовали запах свежего мяса на расстоянии до 70 м. Единственный звук, который они могли издавать, был волчий вой в его разнообразных модуляциях. Они не умели смеяться, отсутствовали жесты и мимика. Младшая, Амала, вскоре умерла, не приспособившись к новым условиям существования. Старшая Камала научилась говорить более 30 слов, понимать команды и отвечать *да* или *нет*. Однако совокупность этих навыков была настолько элементарна, что не могло быть и речи об усвоении норм языкового поведения. Этот случай свидетельствует о том, что становление человека как личности происходит в очень раннем возрасте.

Вместе с тем следует отметить, что уровень культуры той среды, в которой первоначально воспитывается ребенок, оказывается малосущественным, важно лишь, чтобы это были люди, а не животные. Индейская девочка была найдена французским этнографом Велляром в Парагвае на стоянке, покинутой племенем гуаяки. Он взял её с собой и отдал на воспитание своей матери. Спустя 20 лет девочка по своему развитию не отличалась от интеллигентных женщин. Она занималась этнографией, свободно говорила на французском, испанском, португальском языках.

Первые шаги в человеческом обществе ребенок делает достаточно рано. Социализация начинается буквально с момента рождения. Психологи выделяют три основных этапа процесса социализации: 1) первичная социализация, или социализация ребенка; 2) промежуточная социализация подростка; 3) устойчивая социализация, которая знаменует переход от юности к зрелости.

По мере дифференциации и усложнения отношений с окружающим миром множится количество социальных общностей, к которым принадлежит индивид до 1–2 лет ребенок – дитя своих родителей, затем становится членом коллектива, поступая в детский сад и потом в школу. Со временем появляется круг сверстников во дворе. После окончания школы это такие социальные институты, как университет, трудовой коллектив, армия, семья. В итоге взрослый имеет представление о самых разнообразных социальных ролях, которым соответствует определенный тип языкового поведения, зависящего от коммуникативной ситуации и социальной роли. Поэтому социализация требует не только овладеть речью, но и знать ситуативную грамматику, выработать навыки речи определенной социальной среды, придерживаться норм речевого поведения, свойственных ей. Иначе говоря, язык выступает и как компонент социализации, и как её инструмент.

Механизм усвоения и использования ребенком языка очень сложен и недостаточно исследован. Мы слышим только речь, а как она возникает, как мысль превращается в слово – это исследовать не можем. И сам говорящий не способен проанализировать, как происходит образование слов, потому что во многом это процесс неосознанный, подчиненный выработанному в раннем детстве механизму порождения речи. В сказанном можно убедиться на примере потерявшего сознание человека: в бреду (во сне, под гипнозом) он может говорить и зачастую связно.

Лишённые возможности реально проникнуть внутрь мозга и инструментально исследовать процесс порождения речи, лингвисты научились моделировать речевое поведение на основе фактов, полученных из наблюдения за речевой деятельностью людей.

Уже в раннем возрасте ребёнок познает мир с помощью языка. Но при этом понимание речи ситуативно и связано с восприятием фразы в целом (*Положи мячик на стол – Положи мячик под кровать*). Лишь в два-три



года ситуационный характер понимания отходит на второй план. Формируется собственная речь ребенка.

Итак, базовой составляющей в овладении языком является возраст.

Далее по степени важности следуют особенности социальной среды, в которой воспитывается ребенок, т. е. усвоение языка социально различно. В разных по культурному уровню семьях неодинакова употребительность некоторых слов, понимание их смысла и эмоциональная оценка. Один и тот же предмет имеет разное наименование в семье токаря, геолога, музыканта и строителя. Например, когда у пятилетней дочки слесаря, заявившей, что она не любит игру на скрипке, спросили, какой инструмент ей больше всего нравится, она, не задумываясь, ответила: «Пассатижи». В языковом сознании ребенка, растущего в семье музыканта, техническое значение слова «инструмент» вряд ли будет на первом месте.

Решающим может оказаться и принадлежность семьи к определённой категории социальной структуры общества. Английский психолог Бернстайн сравнил речь двух групп подростков. Первую группу представляли дети из низших социальных слоев, не получившие систематического образования; вторую – ученики лучших частных школ. В обеих группах было равное число подростков одного возраста и примерно одинаковый интеллектуальный уровень (тесты на интеллект). Каждый из членов этих двух групп дал короткое интервью на одну и ту же тему: как он относится к возможной отмене пенальти в футболе. Интервью записывалось на магнитофон и лингвистически анализировалось. Анализ результатов подтвердил гипотезу исследователя: у представителей первой группы менее богатый и разнообразный словарь, чем у их ровесников из второй группы. Синтаксис детей из бедных семей весьма ограничен и однообразен.

Дальнейшие исследования внесли существенные коррективы в результаты эксперимента. Оказалось, что в ис-

пользовании словарного запаса, более или менее богатых синтаксических конструкций решающую роль играют условия, в которых происходит общение. Изучая группы подростков-афроамериканцев, У. Лабов пришел к выводу, что в повседневном бытовом общении (с приятелями) их речь достаточно разнообразна. Если они и кажутся необщительными в ситуации интервью, то это свидетельствует о непривычности обстановки. С другой стороны, подростки из обеспеченных семей в бытовом, семейном общении не всегда прибегают к разнообразным речевым средствам. Исследователи установили, что разница между двумя группами подростков не в том, что одни являются более развитыми в плане усвоения языка, другие – менее, а в том, что дети из состоятельных семей успешнее осваивают различные социальные роли, овладевают знаниями, которые необходимы для приспособления своей речи к обстановке. При смене ситуации общения они быстро и легко переключаются с одних средств на другие. Наблюдения показывают, что навыки ролевого поведения формируются уже в возрасте 3–4 лет (маленькие дети хорошо понимают, с кем говорить ласково, небрежно, капризно, грубо, повелительно). Кроме того, выбор лексики и весь строй речи в разговоре наедине с членом семьи отличается от бесед с тем же лицом, но в присутствии постороннего.

Овладение социальной ролью происходит в процессе социализации, что можно назвать сутью этого процесса. Сначала речь ребенка не всегда ориентирована вовне, на реального собеседника. Швейцарский психолог Жорж Пиаже показал, что многие трудности в общении между детьми младшего возраста возникли как раз по той причине, что говорящий не заботится о том, чтобы сообщить другим нечто, он просто говорит сам с собой (аналогичное происходит в глубокой старости). Такую речь Пиаже назвал эгоцентрической, в отличие от речи социализированной, произносимой для других, ориентированной

на собеседника. Под влиянием социального окружения у человека формируется именно этот тип речи, составляя костяк речевой деятельности. Эгоцентрическая речь постепенно перестает выражаться вовне, превращаясь во внутреннюю речь.

Толчком и необходимым условием овладения социализованной речью является игра. Участвуя в ней, дети легко переходят из одной роли в другую. Именно в игре ребенок начинает усваивать элементы тех ролей, которые разыгрывают на его глазах отец и мать. Взаимодействуя в игре, дети воспринимают и постигают то, что психологи называют шаблонами поведения, т. е. наиболее типичные и наиболее часто повторяющиеся формы человеческого общения. По мнению американского социопсихолога Томаса Шибутани, «игра важна в социализации, поскольку роли участников специфичны; ясно установлено, что каждый играющий может или не может делать; определены цели взаимодействия и ограничена область личного выбора. Следует отметить, что дети научаются дисциплине и ответственности в группе равных значительно больше, чем дома» [18, с. 48].

Процесс социализации, интенсивный в детстве и юности, продолжается у взрослого человека. Разумеется, он ослабевает, поскольку основные модели поведения уже освоены. Однако никто не может быть уверен, что овладел в совершенстве ситуативной грамматикой, действующей в данном языковом сообществе. Попадая в новые условия общения, носитель языка не всегда находит в собственной коммуникативной компетенции те модели, которые соответствуют данной ситуации (это может быть незнакомая социальная роль, неясные для него цели других коммуникантов, психологический дискомфорт).

Таким образом, процесс социализации длится всю жизнь и заключается в усвоении и использовании в зависимости от коммуникативной ситуации подходящих социальных ролей, определяющих речевое поведение.

### Вопросы для самопроверки

1. Как социальные характеристики личности воздействуют на речевое поведение?
2. Каковы этапы процесса языковой социализации?
3. Как общество и общение с людьми влияют на процесс усвоения языка?
4. Назовите особенности детской социализации.
5. Укажите различие между эгоцентрическим и социализованным речевым поведением.
6. Как социальная среда влияет на процесс языковой социализации и речевое поведение личности?
7. Прочитайте рассказ А.И. Куприна «С улиц» и отметьте, как меняются особенности речи главного героя в зависимости от того, с кем он общается.

### Рекомендуемая литература

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании ; под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М. : Наука, 1993. – С. 90–136.
4. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
5. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
6. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## Тема 6. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

### Вопросы

1. Природное и культурное в языке.
2. Общекультурное и национально-специфическое в языке.
3. Проблема влияния языка на культуру.

### 6.1. Природное и культурное в языке

Проблема «язык и культура» многоаспектна. К ней по-разному подойдут историк культуры и лингвист, философ и психолог, этнограф и литературовед. Однако и языковедческий аспект проблемы, по меньшей мере, двухпланов, поскольку язык и культура взаимодействуют. Поэтому возникают сразу два вопроса: как разнообразные культурные процессы влияют на язык и как язык влияет на культуру? Но прежде всего законен вопрос о соотношении понятий «язык» и «культура»: в какой мере язык – это культура?

Природа языка лежит в триединстве «культура – природа – человек».

Культура противостоит природе. Латинское слово **cultura** (от лат. *colo* – обрабатываю, возделываю, развиваю) означало нечто, в отличие от дикорастущего, выращенное трудом человека. Иначе говоря, культура – это продукт социальной, интеллектуальной, а не биологической активности людей. Язык выступает как важнейшее явление культуры (развивается вместе с обществом).

Кроме того, язык близок культуре и по своей внутренней структуре. Однако, с другой стороны, в ряде существенных характеристик языковой структуры отразилась и биологическая природа человека. Здесь многое определяется физиологией и психофизиологией речевой деятельности. Так, наличие в языке гласных и согласных и преобладание чередования звуков обусловлено природой человека: человек не в состоянии воспринимать и произносить речь, состоящую только из гласных или согласных. Объёмом оперативной памяти человека ограничена средняя длина предложения, средняя ширина подчинительных связей (сравните: *Вчера встретил жену доктора – Вчера встретил жену однокурсника сына доктора мэра города*). Поэтому говорящие избегают фраз, где глубина подчинения превышает две-три связи. Современному знанию открылись поразительные факты взаимопроникновения языка и природы. В ходе исследований на стыке молекулярной биологии и семиотики был обнаружен изоморфизм генетического кода и языка. Р. Якобсон высказал предположение о том, что сходство языка с генетическим кодом возникло в результате того, что в процессе развития человек бессознательно конструировал язык в соответствии с генетическим кодом. Это копирование генетического кода оказалось возможным потому, что организм неосознанно владеет информацией о строении своего генетического кода.

Дискуссионным остается вопрос о соотношении врождённого и приобретённого в речевой деятельности человека. Общепризнанно, что человек обладает врождённой способностью, т. е. психофизиологическим механизмом, обеспечивающим возможность речи. Это позволяет человеческому мозгу усвоить систему знаков конкретного языка и правила, позволяющие строить тексты, выбирая и комбинируя нужные знаки. Реализация языковой способности возможна лишь в процессе общения человека с окружающими людьми – носителями языка.

## 6.2. Общекультурное и национально-специфическое в языке

Подобно тому как в культуре каждого народа присутствует общечеловеческое (мировая культура, общечеловеческие ценности) и этнонациональное, так и в языке проявляется общий, универсальный компонент и своеобразие культуры определенного народа. Универсальным выступает то, что в любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта и объекта действия, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений. Межкультурное сходство самих процессов языкового общения проявляется в том, что все языки разграничивают говорящего и слушающего, вопросы и утверждения, побуждения, всюду в сообщении вплетаются модальные и эмоциональные оценки говорящими того, о чем идёт речь. Таким образом, всем языкам мира присущи определённые общие особенности их структуры.

Межкультурная общность человеческого видения мира обусловила универсальность картины мира, представленной в языке. В этом мире Солнце всходит и заходит (а не Земля поворачивается вокруг своей оси). Здесь смыслы «жаркий», «холодный», «теплый», «прохладный» сформированы человеческим восприятием мира. *Быстрым* может быть волк, поток, ум; *горьким* – лук и упрёк; *рельеф* виден как *человек*: *устье, рукав и колено реки, горловина вулкана, бровка канавы, хребет и подошва горы*, при этом сама гора может быть названа *Лысой*, а горное озеро – *Морским Оком* и т. д. Всё это свидетельства проявления межкультурной общности языков мира и основа взаимопонимания их носителей.

Помимо общего, универсального компонента между языками существуют различия, обусловленные различием культур. Заметнее всего это сказывается в лексике и фразеологии, которые наиболее подвержены внеязыковой реальности. Поэтому есть слова, которые отражают реал-

лии, символы определенной культуры, а потому не всегда имеют эквивалент в других языках. Это так называемая **безэквивалентная лексика**, в которой зафиксировано обозначение специфических явлений местной культуры: *сакура, гейша, икебана, саке* – знаки традиционной японской культуры; *эсквайр, крикет, шиллинг* прочно ассоциируются с Англией; *кишлак, арык, дехканин* – знаки среднеазиатской культуры. В случае заимствования в другой язык такие слова называют **экзотизмами**. Экзотизмы и этнографизмы не столько раскрывают или толкуют чужую культуру, сколько символизируют её.

О доле безэквивалентной лексики в национальном словаре можно судить по таким данным: русские безэквивалентные слова и обороты (*сельсовет, гармошка, народовец, бить челом*) составляют 6–7 % от общепотребительной русской лексики.

Национально-культурное своеобразие может проявляться не только в наличии специфических слов, но и в отсутствии слов для передачи значений, выраженных в других языках. Такие «пробелы», «белые пятна на семантической карте языка» называют **лакунами** [77, с. 120]. Как и безэквивалентные слова, лакуны заметны только при сопоставлении языков.

Причины лакун различны. Это могут быть национальные особенности культуры. Например, в Англии разработаны разновидности адвокатской профессии: *attorney* – «уполномоченный, поверенный»; *barrister* – «адвокат, имеющий право выступать в высших судах»; *colicitor* – «стряпчий, консультирующий клиентов, имеет право выступать в низших судах», *counsel* – «юрисконсульт»; *counsellor* – «советник»; *advocate* – «адвокат высшего ранга». В русском языке для отображения этого многообразия существует только одно слово – *адвокат*. В других случаях причиной образования лакун может быть то, что языку неважно различать то, что другой язык различает. Двум русским словам *девушка* и *девочка* соответствует



одно английское слово – *girl*; напротив, двум английским *bank* – «берег реки» и *shore* – «берег моря» соответствует только одно русское *берег*.

Национально-культурная специфика накладывает свой отпечаток на язык не только в том, что в каждом языке отражаются символы культуры, свойственные только ей слова и смысловые различия, но и в том, что в каждом языке одни и те же слова могут быть по-разному эмоционально и стилистически окрашены. Венгерский языковед Франческо Пани исследовал различия в ассоциациях, связанных с образом болота. В венгерском языке в слове *болото* зафиксировано представление о гнилости, тлении, а финское слово *болото* – это нечто «вполне хорошее», в котором «веками сохраняются древние заимствования». Значит, болото – не только место тления, но и место сохранения. В русском языке *болото* – это символ рутинности, косности, застоя. О межъязыковых различиях в эмоциональной окраске слова интересно говорил узбекский писатель Тимур Пулатов: «*Солнце* по-русски – это совсем не то, что *куёи* по-узбекски, и уж совсем не то, что *офтоб* по-таджикски. Ведь узбек, живущий большую часть года под палящими лучами солнца, никогда не скажет ласково-уменьшительно *солнышко*, так же как и у русского нет ощущения того, что солнце может быть не только плодотворным и землеобновляющим, но и враждебным. Зато к луне, этому ночному светилу, несущему прохладу и умиротворение, у узбека совсем иное отношение – всё красивое и желанное он называет лунооком, луноподобным, да с такой интонацией, что для русского слуха это может показаться по меньшей мере вычурным»<sup>1</sup>. Для русского человека солнце – это начало жизни, центральный Бог, которому посвящены Масленица, языческий праздник встречи солнца (блины – символ солнца), культ Ярилы у славян.

Таким образом, лексика и фразеология тесно связаны с культурой народа: в силу фоновых различий безэквива-

---

<sup>1</sup> Пулатов Т. Литературное обозрение. 1976. № 8. С. 109.

лентны, «не до конца» переводимы 6–7 % слов, идиоматична (непереводима) вся фразеология; заимствованное слово также обычно не вполне соответствует по значению своему прототипу в языке-источнике; а обозначения явлений природы обладают различной коннотацией. Вот почему овладение языком немислимо без усвоения культуры народа.

Воздействие культуры на язык проявляется и в своеобразии самого процесса общения. В каждой культуре поведение человека регулируется представлением о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях (социальная роль личности). Речевое поведение в той или иной роли определено культурными традициями общества. У разных народов общение в одних и тех же ситуациях (разговор мужа и жены, отца и сына, учителя и ученика, хозяина и гостя, начальника и подчиненного) протекает в разной стилистической тональности. В традиционных восточных культурах обращение жены к мужу – это обращение младшего к старшему, подчинённого, зависимого к старшему, господину. Разнообразны модели речевого поведения гостя и хозяина. У североамериканских индейцев обычен невербальный контакт: можно прийти к соседу, молча полчаса покурить трубку и уйти. В европейских культурах общение заполнено речью, создается ощущение обмена информацией. В восточных культурах общение хозяина и гостя более сложно и ритуализовано. Гость должен прийти с подарком, который зависит от ранга гостя. На стук гостя к воротам выходит слуга и, узнав о цели визита, говорит: «Мой хозяин не смеет Вас принять. Поезжайте домой. Мой хозяин сам навестит Вас». Произнося эту фразу, слуга должен кланяться и держать руки перед грудью. Посетитель, тоже кланяясь и сложив руки, должен отвечать: «Я не смею затруднять вашего хозяина. Разрешите мне зайти поклониться ему». Слуга должен отвечать следующим образом: «Это слишком высокая честь для моего хозяина. Возвращайтесь домой. Мой хозяин немедленно придет к Вам». Первый отказ принять гостя

носит название церемониальной речи, второй – настойчивой речи. После настойчивой речи гость должен повторить свои намерения. Слуга, выслушав гостя, говорил: «Если Вы не принимаете наш настоятельный отказ, мой хозяин сейчас выйдет встретиться с Вами». Тогда гость должен трижды отказаться от встречи с хозяином, если его подарок не будет принят. Только после этого хозяин выходил за ворота и встречал гостя.

Таким образом, национально-культурная специфика речевого поведения сказывается в том, что различные стилистические средства в разных культурах могут быть связаны с различными стереотипами поведения.

Национальное своеобразие речевого поведения может затрагивать не только стилистику, но и лексическую частотность. Так, в корейском языке категория вежливости насчитывает семь ступеней (почтительная, уважительная, форма вежливости, характерная для женской речи, учтивая, интимная, фамиллярная, покровительственная). Для каждой формы вежливости типичен свой набор грамматических, словообразовательных, лексических показателей. Существуют грамматические и лексические синонимы, разница между которыми в том, как они сигнализируют о разной форме вежливости.

### **6.3. Проблема влияния языка на культуру**

Если воздействие культуры на язык вполне очевидно, то вопрос об обратном влиянии языка на культуру остается открытым. Лучшие умы понимали язык как духовную силу, которая формирует культуру народа.

Вера в определяющее воздействие языка на духовное развитие народа лежит в основе философии языка Вильгельма Гумбольдта, человека энциклопедического образования, знавшего 16 иностранных языков. Изучая язык испанских басков, резко отличный от других европейских языков, Гумбольдт приходит к мысли о том, что разные

языки – это разные видения мира, что в каждом языке заложено самобытное мирозерцание народа.

В русле европейской философии Гумбольдта строил свою лингвистическую концепцию Александр Афанасьевич Потебня, который развивал психологическое направление в языкознании. Потебня находил влияние языка не только на формирование народного мировосприятия, но и на процесс развертывания мысли. Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного к другому, изменяет вместе с ним и направление течения своей мысли.

Убеждение в том, что люди видят мир по-разному через призму родного языка, лежит в основе теории лингвистической относительности Эдварда Сепира и Бенджамина Уорфа. Они стремились доказать, что различия европейской культуры и других культур обусловлены различиями в языках. В поисках доказательств гипотезы ученые пишут о различии между языками в обозначении цветового континуума: в одних языках есть семь основных цветов радуги (русский, белорусский), в других – шесть (английский, немецкий – голубой-синий), в языке шона (Родезия) – четыре: красно-оранжевый, желто-зеленый, голубой-синий, фиолетовый, а в языке басса (Либерия) – всего два.

Высказывались предположения, что зависимость мышления от языка может быть обнаружена скорее в области грамматики, нежели в лексике, поскольку грамматика – это сфера обязательных значений, «принудительно» известных всем говорящим (на данном языке). Так, в языке крупнейшего индейского народа группы атапасков навахо (Северная Америка) глаголы, обозначающие разные виды манипуляций (*брать, держать в руках, передавать, перекладывать, перебирать руками*), по-разному изменяются в зависимости от объекта действия. Если это гибкий и длинный предмет, то глагол стоит в форме *A*, если предмет длинный и твердый, то в форме *B*, если предмет плоский и гибкий (лист бумаги), то требуется форма *C*. Это интересное грамматическое наблюдение

привело исследователей к предположению, что дети индейцев навахо должны научиться отличать форму раньше, чем дети, говорящие на английском. В то же время исследователи приходят к выводу, что «язык – это лишь один из нескольких путей, которыми ребенок может постичь определенные свойства мира» [51].

Современная лингвистика, обращаясь к проблеме языка и культуры, пытается уйти от детерминизма, проблемы первичности и вторичности. По-видимому, надежнее всего искать соответствия между структурами языка и культуры, причем на широком географическом и культурном пространстве. В русле таких поисков Б.М. Гаспаров предложил понятие лингвокультурного типа, который может быть выявлен на пересечении фактов социальной структуры, бытового поведения, искусства и особенностей языка [20, с. 24]. Автор выделяет западноевропейский стандарт (ЗЕС) и восточноевропейский стандарт (ВЕС).

Для языков ЗЕС (по Гаспарову, реляционных) характерна четкая граница между лексикой и грамматикой. Культурам западного типа свойственны упрощенное овладение письменностью, повышенная доступность восприятия текстов и расширенные возможности создания новых. Это связано с тем, что строй западных языков хорошо приспособлен к абстрактному типу передачи сообщения, где несущественен контакт говорящего и слушающего. Грамматика здесь как бы моделирует ситуацию написания текста. Абстрактный характер передачи информации проявляется и в том, что ослаблена категории социальной ориентации языка, категории глагольного вида и способа действия, зато грамматически развиты категории, указывающие на внешние (временные, пространственные) координаты сообщаемого события (категории времени, лица).

В ВЕС грамматика ближе к лексике, обилие промежуточных лексико-грамматических категорий способствует более конкретной передаче информации. Языки ВЕС,

как считает Б.М. Гаспаров, дескриптивны, т. е. описательны, для них характерно ограниченное распространение письменности, каждое предложение содержит грамматическую характеристику устного общения, где важны слагаемые коммуникативного акта.

Итак, язык отражает культуру народа, но помимо этого он выполняет еще одну очень важную функцию – хранит культуру народа, лексическое «ядро» языка и передает будущим поколениям. Иными словами, язык – это условие, орудие и способ хранения, часть, основа и продукт культуры.

Гипотезы о влиянии языка на культуру не перерастают пока в доказательные теории. Феномен культуры сложен, неясна ее структура, значимость отдельных уровней и подсистем, непонятны законы развития культуры. Поэтому вопрос о влиянии языка на культуру остается открытым. Но у науки нет другого выхода, как строить гипотезы и проверять их фактами культурной и языковой истории народов.

### **Вопросы для самопроверки**

1. Как проявляются биологические особенности человека в языке?
2. В чем выражается влияние культуры на язык?
3. Что такое безэквивалентная лексика? Приведите примеры.
4. Что такое лакуны?
5. Охарактеризуйте различные позиции ученых по проблемам влияния языка на культуру.
6. В чем состоит сущность теории лингвистической относительности Сепира и Уорфа?

### Рекомендуемая литература

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Гаспаров, Б.М. Введение в социограмматику / Б.М. Гаспаров // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 425. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. Т. 29. Проблемы языковой системы и ее функционирования. – Тарту : Изд-во Тартуского государственного университета, 1977. – С. 24–45.
4. Культура и этнос : учеб. пособие для самостоятельной работы студентов / сост. Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002 [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/KultEtn/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php)
5. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
6. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
7. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.
8. Степанов, Ю.С. Французская стилистика. В сравнении с русской / Ю.С. Степанов. – М. : КомКнига, 2006. – 362 с.

## **Тема 7. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕСТВА**

### **Вопросы**

1. Язык и историческое развитие.
2. Внутренние и внешние языковые изменения.
3. Проблема «регресса» и «прогресса» в развитии языка.
4. Закономерности изменения в языках и основные направления социальной эволюции языков.

### **7.1. Язык и историческое развитие**

Развитие языка зависит от внеязыковой реальности – социальной и культурной истории народа, своеобразия его психического склада, образа жизни, мировоззрения. Влияние общества на язык глубоко и разнообразно. Именно здесь скрыты первопричины развития языка. Одно из проявлений взаимосвязи языка и общества состоит в том, что существуют особенности языка, соответствующие определенным ступеням в развитии общества. Можно говорить о своеобразии языков первобытно-общинного строя, языков феодальной поры, языков послефеодальных формаций.

Для языков первобытно-общинного строя характерны следующие особенности:

1) множественность и дробность языков в пределах языковой семьи при отсутствии четких границ между языками, сосуществование множества родственных диалектов, образующих языковой континуум на сравнительно небольших пространствах. В этой ситуации трудно оп-



ределить, являются два похожих языковых образования родственными языками или это территориальные варианты одного языка;

2) быстрое изменение языков вследствие языковых контактов;

3) наличие групповых подязыков (например, по разделению труда: охотничий, строительный, домоводства);

4) активное включение мимики и жестов в коммуникацию на основе звукового ряда;

5) табуирование слов и выражений (табу, связанные с охотой, рыболовством). Отношение к языку как к средству магии.

*В языке ранних государств различия незначительны:*

1) особый вид культурного двуязычия (русский – церковно-славянский);

2) пик диалектных различий – отражение феодальной раздробленности. Вместе с тем складываются наддиалектные формы общения (койне);

3) пристальное внимание к слову (ключ к познанию бытия). Для средневекового мышления текст – это не только имя или Евангелие, но и ритуал, и храм, и небеса.

*Послефеодальная эпоха характеризуется:*

1) тенденцией к стиранию диалектных различий (Англия, Франция – быстро, Италия, Германия – медленно);

2) появлением литературного языка с большим разнообразием коммуникативных функций.

Социальная интеграция общества обусловила растущее языковое единство. Эпоха индустриального общества предельно ускорила темпы развития языка за счет внешних сфер (в основном лексики, которая наиболее чутко реагирует на изменение общества). В постиндустриальную эпоху расширение коммуникативных и информационных контактов приводит к попыткам создания, с одной стороны, искусственных (машинных) языков, с другой – к созданию единого мирового языка как глобального средства коммуникации.

На развитие языка, помимо социально-экономической формации, могут существенно повлиять и другие социокультурные факторы. Хотя революции не приводят к «скачку» в развитии языка, тем не менее последствия социальных сдвигов сказываются на его развитии. Серьезное воздействие революции на язык связано с перемещением огромных масс населения в территориальном и социальном пространстве. Носители территориальных и социальных диалектов попадают в новые языковые среды (меняется характер коммуникативных отношений). Революция 1917 года ускорила процесс демократизации русского литературного языка.

Другим культурным фактом, оказавшим значительное воздействие на развитие языка, стало изобретение письменности. Оно привело к огромным трансформациям в характере языкового общения людей, а вследствие этого – к глобальному ускорению информационных, технологических и социальных преобразований.

Во-первых, резко возрастает количество и меняется качество информации, циркулирующей в обществе. Письмо многократно расширяет пути и способы передачи информации (римское право, древнегреческая литература).

Во-вторых, письмо существенно перестраивает условия коммуникации. Передача и приём письменного сообщения разделены во времени и в пространстве, у письменного сообщения могут быть читатели, неизвестные автору (книга). Пишущий не может помочь адресату мимикой, жестами, интонацией. Читающий не может спросить у автора о неясном в тексте и получить ответ по ходу чтения. Преодолевая трудности письменной коммуникации, язык выработал более отчётливые способы выражения мысли.

В-третьих, письмо способствует обогащению лексического запаса языка. Если словарь бесписьменного племени не превышал 10–15 тыс. слов, то словарь языков с письменной традицией насчитывает 400–500 тыс. слов.

Кроме того, с появлением письма начинает складываться литературный язык в качестве такой формы бытования языка, которая обладает широкими функциональными возможностями и в перспективе становится основным средством коммуникации.

И наконец, письмо и возникающая в письменной речи нормативно-стилистическая регламентация языка серьезно замедляют темпы языковых изменений.

Из вышеперечисленного видно, что создание письма стало своего рода культурной революцией, ощутимо повлиявшей на развитие языка.

В свою очередь, изобретение книгопечатания – следующий этап развития языка – способствовало достаточно быстрой стабилизации языковой нормы, внедрению её в практику говорящих, а также демократизации письменного общения: люди начинают относиться к письменному тексту с большим доверием и уважением.

Изобретение книгопечатания во многом упрочило письменную норму и демократизировало язык.

## **7.2. Внутренние и внешние языковые изменения**

В истории языка происходят внутренние (внутриязыковые), совершающиеся в самом языке преобразования, и внешние, связанные со сменой социальных функций языка. Внешние трансформации – это изменения в характере использования языка, отношении к нему людей. С течением времени могут расширяться или сужаться сферы применения языка, его престиж. Язык может получить распространение как средство межэтнического и межгосударственного общения (русский) или утратить роль языка-посредника.

В истории языков внутренние и внешние изменения тесно переплетены. Наиболее глубокие процессы в социальной истории языка приводят к перестройкам в его внутренней структуре. Например, превращение диалек-

та в койне может сопровождаться отказом от узкоместных особенностей речи.

Едва ли не все возможные события во внешней истории языка проявились в латыни, которая прошла следующие стадии развития:

1) в III–II вв. до н. э. происходит выход языка за пределы своего этноса, распространение наречия древней Лации по всей Италии, позже латинизация европейских народов;

2) определение разнообразных общественных функций языка, расширение сфер его употребления;

3) формирование литературного языка, его нормативно-стилистическая обработка и регламентация;

4) отказ социума от использования языка: к этому приводит разрыв между нормами классической латыни и развивающимися народными вариантами латинского языка;

5) использование языка в качестве средства межнационального общения (язык церкви, науки, права), что приводит к изменению словаря и синтаксиса;

6) сужение сферы применения языка и вытеснение его народными языками: сначала из области художественного творчества, в XVII–XVIII веках – из языка науки, в XVIII веке – дипломатии. В XX веке она остается лишь языком церкви и отчасти науки.

Таким образом, изменение диапазона функционирования языка, круга его носителей приводит к преобразованию внутренней структуры и прежде всего лексики и синтаксиса.

### **7.3. Проблема «регресса» и «прогресса» в развитии языка**

Понятие «регресса» и «прогресса» в развитии языка связано со сравнительно-историческим языкознанием.

Началом формирования сравнительно-исторического языкознания, или компаративистики, науки о развитии языка стала первая треть XIX века. Основателями её

стали братья Шлегели (Август Вильгельм и Фридрих), Вильгельм Гумбольдт, Август Шлейхер. Эти учёные опирались на естественно-научные представления о развитии и целостности языка. Они пытались представить типы языков как стадии единого исторического процесса формирования языка мира. Этот процесс прослеживается в разработанной ими морфологической типологии (один из первых подходов к классификации языков). Она учитывает способы выражения грамматических значений и характер соединения в слове значимых частей (морфем).

В языках мира существует два способа выражения грамматического значений: 1) синтетические: для них характерно выражение грамматического показателя внутри слова (суффикс, окончание, ударение, приставка); 2) аналитические – выражение грамматического значения за пределами слова, отдельно от него (с помощью предлогов, союзов, артиклей, вспомогательных глаголов и других служебных слов). Языки, которые лишены возможности синтетического выражения грамматических значений, в XIX веке называли аморфными, лишёнными форм.

В типологии языков различают два основных типа морфемного устройства слова: *фузию* и *агглютинацию*. В *фузии* границы между морфемами неотчетливы, они как бы сплелись (*стричь, принять, взять*). Для фузионного слова характерно то, что служебные морфемы выражают одновременно несколько значений (*стена*, окончание *-а*; ж. р.; Им. п.; ед. ч.). Среди фузионных языков встречаются как синтетические, так и аналитические. В *агглютинативном* слове границы между морфемами отчётливы, каждая морфема имеет только одно значение (грузинский, японский, корейский, суахили).

Компаративисты, стоящие у истоков этой науки, видели в морфологических типах языков ступени единого процесса языкового развития. Наиболее древним они считали аморфный строй языков. Затем агглютинация и фузионные процессы привели к образованию флексий и звуковых чередова-

ний. А. Шлейхер проводил аналогии между языком и живым организмом, поэтому одним из первых пришел к мысли о деградации языка. В. Гумбольдт пошёл дальше своего современника и не стал абсолютизировать грамматику. В истории языка он видел процесс непрерывного самосовершенствования, связывая прогресс в языке с поступательным движением общества, духовным самосовершенствованием народа. В XX веке компаративистика окончательно ушла от теории морфологической типологии, поскольку переход языка на более высокий уровень нельзя обуславливать тем или иным типом грамматического устройства. Кроме того, недопустимо выделять единые направления грамматического развития. Если сомнительно существование единых путей грамматического развития, то ещё меньше оснований соотносить изменения языка с его прогрессом или регрессом.

Тем не менее прогресс существует, но зависит он не от изменений грамматики или звукового строя языка. Совершенствование языка заключается в развитии возможностей выразить новое содержание. В свою очередь, возможности определяются богатством словаря, стилистической специализацией языковых средств. Неслучайно эволюция языка связана в первую очередь с лексикой и стилистикой. Лексика – внешняя, поверхностная область языка, напрямую соединенная с внеязыковой реальностью, историей и культурой народа. Эти области интенсивно и сравнительно быстро меняются, приводят к модификациям в более глубоких внутренних системах. Совершенство языка предполагает тонкую стилистическую дифференциацию языковых средств. Стилистическая неоднородность позволяет выбором форм, конструкций сигнализировать определённый тип общения, характер контакта говорящих, жанр речи, создать атмосферу официальности или непринуждённости. Язык совершенствуется в общении. Чем продолжительнее и полнее событиями социальная и культурная история народа, чем интенсивнее и разнообразнее индивидуальная жизнь людей, тем совершеннее и богаче язык народа.

#### **7.4. Закономерности изменения в языках и основные направления социальной эволюции языков**

Несмотря на различия, четыре тысячи языков Земли сходны в своих существенных чертах. Универсальное в истории языков сильнее всего проявляется в глубинных фундаментальных закономерностях исторических процессов, в самих принципах устройства языка. В истории языков есть два вида универсалий: во-первых, в самих принципах и механизмах языковых изменений, во-вторых, в содержании изменений, в тенденциях, направлениях развития языка. Универсалии первого рода связаны с ответом на вопрос, почему и как реформируется язык. Универсальна сама готовность языка обновляться под влиянием потребностей общения. Этот общий универсальный принцип раскрывается в ряде частных: закономерность перерастания речевых модификаций в языковые, неравномерность преобразования разных языков, медленность трансформации грамматики по сравнению с лексикой.

Универсалии второго рода связаны с ответом на вопрос, куда движется язык. Несмотря на то что универсальной языковой структуры не существует, известная общность направлений проявляется: это эволюция отношения человека к языку, развитие возможностей использования языка.

Языковые изменения в конечном счете представляют собой совершенствование языка как средства общения и познания. Прогресс обусловлен поступательным развитием общества, его материальной и духовной культуры. Эволюционные процессы в языке – это ответ на преобразования внешнего мира. При этом адаптации подвергаются в первую очередь внешние, поверхностные уровни системы, что обеспечивает устойчивость внутренних уровней, их независимость от условий внешней среды.

В языке возникает и усиливается функциональная дифференциация языковых средств, складываются фун-

кциональные варианты речи, что способствует глубинной адаптации системы к среде.

Закономерностью развития языка является формирование вторичной системы выражения – письма, что приводит к резкому расширению коммуникативных возможностей языка и существенно меняет характер его использования в обществе. Рождается новый тип речи, отличающийся повышенной информативностью. Становится возможным «молчаливое общение», возникает жанровое разнообразие речи. При этом история письменности в различных социумах состоит в расширении функций и сфер использования письма.

История взаимоотношений языка и общества характеризуется возрастанием роли языка в жизни общества. Это обусловлено такими процессами в социальной жизни, как интеллектуализация производства, усложнение социальной структуры общества, развитие средств и каналов коммуникации, углубление личностного своеобразия каждого человека. В результате расширяются сферы использования и объем функций языка. В человеческом обществе прослеживаются эволюционные тенденции к усилению кодового взаимодействия системы и внешней среды. Поэтому уровень развития коммуникативных систем и каналов связи, интенсивность информационных процессов можно рассматривать как меру социальной организации общества.

### **Вопросы для самопроверки**

1. Как язык связан с историческим развитием общества?
2. Охарактеризуйте существующие подходы к проблеме критериев прогресса языка.
3. Как различные ученые трактуют проблему универсальности языка?
4. Назовите современные тенденции развития языков.



### Рекомендуемая литература

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
4. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
5. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## Тема 8. ЯЗЫК И ЭТНОС

### Вопросы

1. Расы, этносы, языки. Понятие этноса, его признаки и свойства. Языковая картина мира.
2. Смешение языков. Креолы и пиджины как средства коммуникативного контакта.
3. Международные и мировые языки, искусственные языки-посредники.

### 8.1. Расы, этносы, языки. Понятие этноса, его признаки и свойства. Языковая картина мира

Старинный синкретизм значений «язык» и «народ» в слове *язык*, восходящий ещё к старославянским текстам, известен языкам различных семей: индоевропейским (например, лат. *lingua*), финно-угорским, турецкому, некоторым языкам Африки. Эта семантическая двуплановость говорит о тесной связи понятий «язык» и «народ» в сознании людей: один народ – это те, кто говорит на одном языке, а язык – это то, на чём говорит народ, он объединяет народ и отличает его от других народов. Действительно, этнический и языковой принципы группировки народонаселения во многом совпадают и взаимосвязаны. При этом оба принципа противопоставлены антропологическому (расовому).

*Этнос* (от греч. *ethnos* – племя, народ) – народ. Синонимические термины *этнос*, *народ* и *этническая*

**общность** обозначают общее (родовое) понятие по отношению к таким этническим общностям, как **племя, народность, нация**.

Расы объединяют людей по наследственному биологическому сходству (цвет кожи, характер волосяного покрова, строение черепа, цвет и разрез глаз, форма губ и т. п.). Звуковой язык человека древнее, чем расы. Становление языка и становление вида *Homo sapiens* взаимосвязаны (примерно 50–40 тыс. лет назад). Разделение же человечества на расы обусловлено расселением племён из общей прародины человечества (Центральная или Южная Африка, по предположению антропологов) по всей территории Земли и происходило значительно позже, под длительным влиянием климатических и географических условий. С другой стороны, современная генеалогическая группировка языков (в зависимости от степени родства языков, происходящих из общего языка-источника, – **праязыка**) также складывалась независимо от дальнейшего дробления и смешения рас.

Совсем по-иному соотносятся между собой карта народов мира и карта языков мира. Они не только во многом совпадают, но и существенным образом взаимно обусловлены. Дело в том, что само формирование отдельной этнической общности (племени, народности) связано с языковым объединением населения определенной территории. Общность языка, наряду с общностью территории, экономической жизни, известной общностью культуры и этническим самосознанием, является существенным признаком этноса. В то же время конкретное языковое образование воспринимается как язык (а не как диалект или жаргон) только в том случае, если оно обслуживает отдельный народ и при этом весь данный народ.

**Генеалогическая классификация языков мира** (от греч. *genealogia* – родословная) выявляет родственные связи между языками, составляющими отдельную **языковую семью** (например, индоевропейскую, тюркскую, афразий-

скую, финно-угорскую и другие; известно более 20 семей языков). Языковые семьи разделяются на *группы* языков (например, в кругу индоевропейской семьи есть группы индийская, иранская, славянская, балтийская, германская, романская, кельтская, греческая, албанская, армянская, анатолийская, тохарская). Карта языков мира строится на основе генеалогической классификации языков.

Является ли язык обязательным признаком этноса? В исторической и географической реальности параллелизм между этнической и языковой общностью существует не всегда. Нередко один народ использует не один, а несколько языков. Так, в современной Швейцарии, которая является государством швейцарской нации, сосуществуют четыре языка: немецкий, французский, итальянский и ретороманский. Два языка – английский и ирландский – используют ирландцы. На двух сильно различающихся финно-угорских языках – мокшанском и эрзянском – говорит мордовская нация.

В мире широко распространена асимметрия и другого рода: один язык используется несколькими или многими народами. На английском языке говорят англичане, американцы, канадцы, австралийцы, южноафриканцы; в 19 странах Африки английский признан официальным (в ряде случаев – наряду с каким-нибудь другим языком); он также является вторым официальным языком Индии (после хинди). На немецком говорят немцы и австрийцы; на испанском – в Испании, 20 странах Латинской Америки и на Филиппинах; на португальском – в Португалии, Бразилии; в пяти африканских государствах португальский является официальным языком. В Российской Федерации на карачаево-балкарском языке говорят два тюркских народа – карачаевцы и балкарцы; один язык у кабардинцев и черкесов – кабардино-черкесский (иберийско-кавказская языковая семья). Языковые ситуации в Африке, Азии, Океании еще дальше от однозначного соответствия «один этнос – один язык». Таким образом,

в ответственных случаях, например, при разрешении территориальных споров, межэтнических конфликтов, изменении государственно-административного устройства и т. п., определение этнического статуса некоторой общности людей (т. е. того, образует ли данная общность самостоятельный народ или нет) не может ставиться в зависимость от того, на каком языке говорят эти люди: на «отдельном» и «самостоятельном», или на языке соседей, или на нескольких языках. Нужен другой критерий.

Не только язык, но и некоторые другие признаки этноса трудно рассматривать как признаки идентифицирующие. Для этноса характерна общность важнейших составляющих социальной жизни: 1) общность территории; 2) единая социально-государственная организация; 3) сходство хозяйственно-экономического уклада; 4) общность языка, быта, культуры, религии, психологии. Однако ни один из этих признаков не может быть решающим при выяснении того, что представляет собой та или иная группа населения (допустим, жители Полесья, или Закарпатья, или Кавказа) – самостоятельный народ, часть народа или группу народов.

Далеко не всегда имеются все указанные признаки. Так, при всей важности государственной и территориальной общности сохраняли национальное единство поляки, разделенные до 1918 года границами России и Австро-Венгрии; северные и южные вьетнамцы до 1976 года; восточные и западные немцы до 1990 года; один народ образуют пока еще не объединенные корейцы. Достаточно обычна конфессиональная неоднородность одного отдельного этноса. Трудно определить также ту меру культурной, бытовой или психологической близости, которая указывает на этническую общность. Ведь близки культуры и соседних народов; с другой стороны, внутри одного народа и быт, и менталитет разных его групп (например, северян и южан или сельских и городских жителей) могут значительно различаться.

Обязательным и чётким признаком этноса является этническое самосознание, т. е. представление некоторой группы людей о себе как о народе. Этническое самосознание (самоопределение, самоидентификация) народа состоит в следующем: народ считает себя общностью людей, которая отличается от других народов и иных человеческих общностей (сословий, партий, союзов государств).

Каждый современный этнос имеет имя – *этноним* (*бретонцы, коряки, белорусы, эстонцы, гагаузы, шотландцы, манси* и т. д.). Хотя, по-видимому, в дописьменной древности конкретный этнос какое-то время – до регулярных контактов с другими племенами – мог не иметь своего имени. В этническую общность входят все, кто считает это имя своим. Консолидирующее значение этнонима хорошо подчеркнул известный польский писатель Ежи Путрамент, когда говорил, что белорусы прошли свой путь от «тутэйшости» до национальности.

Правда, имя народа может измениться. Обычно это связано с распадом прежних этнических общностей и образованием новых, с миграцией народов. Так, народ Киевской Руси называл себя *русь, русичи, русские*, а сейчас *русские* – это этноним только одного из трех восточнославянских народов. Самоназвание народа может отличаться от того, как его называют другие народы. Например, жители Московского государства в XV–XVII вв. называли себя *русскими*, а в Западной Европе их называли *moscovitae* (*московиты*). В Великом княжестве Литовском самоназванием белорусов и украинцев было *русские, русь, русины*; в Москве жителей белорусских земель называли *литвины, литва, литовцы*, реже – *белоросцы, белорусцы*, жителей украинских земель – *малоросцы*, а в Западной Европе украинцев и белорусов называли *ruteni*, наряду с *russi* и *rhoxolani*. Тот балтийский этнос, который сейчас называется *литовцы* (самоназвание *lietuviai*), во времена Великого княжества Литовского составляли *аукшайты* и *жемайты*. Вообще, «кочующие» этнонимы, как

и народы, которые стали называть себя иначе, – не такая уж редкость во многовековой истории человечества.

С этнонимами обычно связаны также названия государств (исключения составляют названия крупных полиэтнических государственных образований – СССР, США, ЮАР). Во взаимоотношениях народов и стран эти имена выполняют важную демаркационную, опознавательную-разграничительную функцию.

Этническое самосознание входит в обыденное (повседневное) сознание людей. Оно складывается почти наследственно, в процессе семейного воспитания. «Этнические различия не мыслятся, а ощущаются по принципу: это мы, а все прочие – иные» (Л.Н. Гумилев). В исторические времена минимум этнического самосознания отдельного человека – это знать имя своего народа. Социологи и этнологи с основанием говорят об этносах с более и менее развитым этническим самосознанием. Одним из показателей его уровня может быть широта общеизвестных в этносе представлений (мифопоэтических, религиозных, исторических) о себе самом. В нормальных условиях (т. е. без ассимилирующего внешнего давления) этническое самосознание характеризуется положительной самооценкой (подобно тому, как у психологически здорового человека в целом преобладает положительное отношение к самому себе).

Для народа родной язык, «дом бытия», по Мартину Хайдеггеру, – это и защита его этнического суверенитета от нивелирующего воздействия цивилизации, и духовное наследство, объединяющее поколения.

## 8.2. Смешение языков. Креолы и пиджины как средства коммуникативного контакта

Когда у потенциальных собеседников нет взаимопонятных средств общения, а коммуникативная задача относительно сложна и не может быть решена при помощи элементарных жестов, коммуниканты создают новое средство общения – вспомогательный смешанный язык с крайне ограниченным словарем и минимальной, неустоявшейся грамматикой. Языки такого типа, а также их возможные эволюционные продолжения – *пиджины* и *креольские языки (креолы)* – называют *контактными языками*, а исследующий их раздел лингвистики – контактологией, или – чаще – креолистикой.

Основы креолистики заложены еще в XIX веке Х. Шухардтом, однако как самостоятельное направление в лингвистике она стала развиваться лишь с 1950-х годов. Поскольку специфика контактных языков целиком обусловлена социальной ситуацией их возникновения и становления, креолистика вошла составной частью в более широкую дисциплину – социолингвистику.

Этимология термина *пиджин* не до конца ясна, хотя обычно считается, что он восходит к китайскому восприятию английского слова *business*; впервые он зафиксирован в 1807 году в применении к англо-китайскому пиджину (орфографически – *pigeon*). Пиджины распространены в Юго-Восточной Азии, Океании, Африке, в бассейне Карибского моря. Это устные языки торговых и других деловых контактов, возникшие в результате смешения элементов какого-либо европейского языка (английского, голландского, испанского, португальского или французского) и элементов туземного языка. Сейчас известно свыше 50 пиджинов.

Другой термин сходного значения – *лингва франка* (от итал. *lingua franca* – франкийский язык, язык франков) – это преимущественно торговые языки, которые ис-



пользуются носителями разных, в том числе генетически далёких, языков. Поначалу имя *лингва франка* относилось к конкретному гибриднему языку, сложившемуся в Средние века в Восточном Средиземноморье на основе французской и итальянской лексики, который был употребим в общении арабских и турецких купцов с европейцами. В эпоху крестовых походов роль лингва франка возросла, он обогатился испанской, греческой, турецкой лексикой и применялся до XIX века. В современной социолингвистической литературе этим термином определялся любой устный неродной для коммуникантов язык-посредник в межэтническом общении. Таким образом, сам термин *лингва франка* («язык франков», т. е. европейцев) первоначально обозначал средневековый пиджин Средиземноморья, иначе называвшийся *сабир*.

Контактный язык никогда не создается намеренно, он является результатом неудавшейся попытки выучить язык партнера по коммуникации. Основой его становится редуцированная форма того языка, который по ряду причин оказывается более эффективным для коммуникации. Часто контактный язык может возникнуть достаточно быстро, если ситуация общения требует минимального уровня понимания (например, португальцы, продающие очки, общаются на смеси португальского и английского). Поскольку функциональное назначение контактного языка – поддержание коммуникации между представителями разных языков, то его эволюция представляет собой решение вопроса между говорящим и слушающим. Говорящий консервативен и не заинтересован в языковой адаптации, изменении языковых навыков, однако вынужден для адекватного понимания пойти на компромисс со слушающим. Вступая в эти отношения, каждый из участников коммуникации корректирует свою речь в соответствии с языковыми особенностями партнера по общению. При этом если контингент говорящих нестабилен, а потребность общения непостоянна, то пиджин возникает от случая к случаю

и существует недолгое время. В истории развития общества пиджины обслуживали торговые отношения (*сабир* в Средиземноморье, на котором объяснялись европейцы с арабами и турками, русско-китайский пиджин для торговли в приграничных городах), морские пиджины в эпоху колонизации в крупных портах (*бичламар* – пиджин на английской основе для осуществления торговых контактов на островах Океании).

В определенной ситуации пиджин расширяет свои коммуникативные функции. Он может стать единственным языком социума и удовлетворять все его языковые потребности. При этом усложняется фонетическая и грамматическая структура контактного языка, расширяется словарь, т. е. пиджин превращается в «нормальный» язык. Для молодого поколения этноса пиджин оказывается, таким образом, родным языком. Пиджин, ставший родным языком для определённого этноса, называется *креольским языком (креолом)*<sup>2</sup>, а сам процесс – *креолизацией*. Примерами креольских языков, ставших официальными или этнически значимыми, могут служить возникшие на английской основе языки государства Папуа – Новая Гвинея – *ток-писин* и *хири-моту*; язык *крио* в Сьерра-Леоне; язык *срана-тонго* в южноамериканской республике Суринам. Креольские языки на французской основе сложились на Гаити и Мартинике, на португальской основе – на Островах Зелёного Мыса и острове Кюрасао, на испанской – на Филиппинах.

Пиджины и креольские языки обладают структурным сходством: развившиеся из разных европейских и неевропейских языков, они обнаруживают много общего, причём не только в лексике, но и в синтаксисе и фонологии. Как все языки, возникшие в результате интенсивной гибридной фиксации, пиджины относятся к языкам аналитического грамматического строя.

---

<sup>2</sup> *Креол* (от исп. *criollo*) – человек, происходящий от смешанного брака испанцев и индейцев, русских и алеутов, эскимосов, индейцев.

### 8.3. Международные и мировые языки, искусственные языки-посредники

Языки, которые используются в общении между народами разных государств, называются *международными языками*. В отличие от лингва франка и пиджинов международные языки являются этническими языками, т. е. по своей первичной и основной функции – это средство общения в рамках определенного этноса, родной (материнский) язык для людей, составляющих данный этнос. Посредническая функция международного общения для таких языков вторична.

Использование конкретного языка в международном общении связано с социально-историческими причинами, прежде всего с его распространённостью в разных государствах и ролью этих государств и живущих в них народов в мировой политике, мировом информационном процессе, культуре и науке.

Состав международных языков с течением истории менялся. В Древнем мире и в Средние века международные языки были не столько мировыми, сколько региональными. У народов Дальнего Востока таким языком был **вэньян** (письменный древнекитайский), в Месопотамии и Ассирии (современный Ирак) – **аккадский**, в арабско-иудейском мире – **арамейский**, в Восточном Средиземноморье в эпоху эллинизма – **древнегреческий**, в Римской империи – **латынь**, на Ближнем и Среднем Востоке с распространением ислама – **арабский** и **персидский**.

В настоящее время книгопечатание, радио, телевидение, Интернет увеличивают потоки информации в нарастающей прогрессии. Современные международные языки вышли за пределы своих регионов и становятся *мировыми* (глобальным) *языками*, образуя так называемый «клуб мировых языков». Это самые престижные и общепризнанные языки. Их повсеместно исследуют, описывают, пропагандируют. Их изучают с самими разными

целями: «для общего развития», как иностранные языки в общеобразовательных школах, для туризма, чтения специальной литературы, общения с носителями – не обязательно данного языка, но любых языков. Количество таких языков не выходит за пределы «магического числа»  $7 \pm 2$ . Иногда «клуб мировых языков» отождествляют с официальными и рабочими языками ООН (их как раз шесть: *английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский*). Иногда считают, что, хотя на китайском говорит каждый шестой житель Земли (1,2 млрд человек), это язык «недостаточно международный» и что китайский – это язык слишком «закрытого» общества, чтобы войти в «клуб мировых языков».

Помимо естественных языков существуют **искусственные языки** межэтнического общения. Наиболее удачный из языков-посредников создан в 1887 году варшавским ученым Людвигом Заменгофом – **эсперанто**. В конце XIX и до 40-х годов XX века об эсперанто с энтузиазмом писали Л. Толстой, М. Горький, А. Барбюс, К. Циолковский, Дж. Бернал. По инициативе Л. Троцкого, готовясь к «мировой революции», эсперанто учили в ряде частей Красной Армии. На эсперанто существует 140 периодических изданий, 10 радиостанций передают программы на этом языке, национальные объединения эсперантистов существуют в 56 странах. Сейчас отношение к эсперанто достаточно сдержанное. Современные средства массовой коммуникации, ориентированные на устное общение, укрепляют в международной традиции роль естественных языков. При этом предпринимаются попытки максимально упростить язык для иностранцев. Один из популярных проектов такого рода, предложенный в 1930 году американским лингвистом Чарлзом Огденом, – это Basic English, включающий всего 850 слов и несколько правил грамматики.

### **Вопросы для самопроверки**

1. В чём состоят причины невозможности соотнесения этнической и языковой картины мира?
2. Укажите истоки возникновения и особенности функционирования пиджинов как контактных языков.
3. Каковы источники креолизации пиджинов?
4. Какие были сделаны попытки создания искусственных международных языков-посредников?
5. Назовите критерии выделения международных языков.

### **Рекомендуемая литература**

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Культура и этнос : учеб. пособие для самостоятельной работы студентов [Электронный ресурс] / сост. Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/KultEtn/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php).
4. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
5. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
6. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## Тема 9. ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВО

### Вопросы

1. Понятие национально-языковой политики.
2. Языковая политика и языковая ситуация в современной России.

#### 9.1. Понятие национально-языковой политики

Под *национально-языковой политикой* понимают воздействие общества в многонациональном и/или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками. Это воздействие осуществляют, во-первых, государство и его компетентные органы – такие как законодательные собрания и комиссии, в том числе в некоторых странах – специальные комитеты (например, в Индии – Центральный директорат по вопросам языка хинди под председательством премьер-министра). Во-вторых, субъектами являются комитеты, организующие школьное дело, печать, массовую коммуникацию, книгоиздательство, театр, кино, библиотеки. В-третьих, исследовательские лингвистические центры, службы переводов, службы «культуры языка». Например, Институт языкознания имени Якуба Коласа Академии наук Беларуси (с 1929 г.), Государственный исследовательский институт родного языка в Японии (с 1946 г.), Королевская комиссия по изучению билингвизма и бикультурализма в Канаде (с 1963 г.). Наконец, субъекты национально-язы-

ковой политики – это различные общественные институты и организации: политические партии, ассоциации учителей, писателей, журналистов, ученых, всевозможные добровольные «общества содействия», «общества ревнителей родного языка», например, Славистическое общество Словении (восходит к Лингвистическому кружку, основанному в 1779 г.), Беседа любителей русского слова (1811–1816) Г.Р. Державина и А.С. Шишкова, Товарищество белорусского языка имени Франциска Скорины (с 1990 г.). При этом далеко не всегда государство и общественные организации стремятся к одним и тем же целям.

Национально-языковая политика входит в более широкие социальные и социолингвистические категории (такие как национальная политика, языковая политика) и связана с другими видами социального регулирования.

Национальная политика состоит в регулировании межнациональных отношений в полиэтнических социумах. В соответствии с тем как трактуются права разных народов, национальная политика бывает *справедливой* (т. е. основанной на принципе равноправия народов, закрепленном в Уставе ООН) или *дискриминационной* (т. е. умаляющей права какого-либо народа). *Дискриминация* (от лат. *discriminatio* – различение) – ограничение или лишение прав какой-либо группы граждан по признаку их расы или национальности, пола, вероисповедания, политических убеждений и т. д.

В зависимости от основного принципа в решении национальных проблем друг другу противостоят две по-своему порочных крайности: *унитаризм* и *сегрегация*. *Унитарный* (от лат. *unitas* – единство) – объединённый, единый, составляющий единое целое. В политологии унитарное государство, в отличие от федерации, характеризуется централизованным управлением административно-территориальными единицами (область, район и т. п.) и отсутствием самостоятельных федеративных государственных образований (штаты, земли). Унитаризм игнорирует националь-

ные различия и решение национальных проблем видит во всеобщей взаимной ассимиляции – стирании культурных, психологических, бытовых, государственно-организационных, языковых и всяких других различий между народами. Унитаризм в национальной политике необязательно сочетается с государственным унитаризмом и наоборот. Например, СССР был союзом ряда государственных образований (т. е. по Конституции не представлял собой унитарного государства), однако в его национальной политике всегда были сильны унитарные тенденции. С другой стороны, унитарное государство (т. е. не являющееся федерацией) может проводить национальную политику, направленную на сохранение этнокультурного и языкового разнообразия общества (примером такого плюрализма в унитарном государстве может быть Финляндия).

В условиях унитаристской национальной политики прокламируемое «равенство и братство всех народов» обрачивается повальной денационализацией и практической дискриминацией малых народов (в СССР – вплоть до сталинского геноцида и депортации «наказанных» народов). По переписи 1926 года, население СССР составляли 194 народа, по переписи 1979 года – всего 101 народ. При этом уменьшился процент людей, назвавших язык своей национальности своим родным языком. Таким образом, мы видим, что целью национальной политики в СССР было не развитие культур отдельных народов, а распространение новой идеологии, для пропаганды которой требовалось расширение функций русского языка. Это отразилось, прежде всего, в переводе письменности всех народов на кириллицу, поскольку функционирование двух алфавитных систем тормозило процесс обучения русскому языку. В 1940 году почти все народы, входящие в состав СССР, пользовались кириллицей. Унификация была проведена практически без учета фонематической системы конкретного языка, в новые алфавиты был полностью включен состав русских графем, ведущими стали правила русской орфографии.



В результате унификации полтора десятка народов в конце 30-х годов утратили письменность, причем среди них оказались и крупные (тверские карелы – 107 тыс. человек).

Другим решающим фактором унитаризации стало распространение русского языка как обязательного для школьного преподавания. В школах для кетов и ительменов в 1934 году было решено полностью перевести процесс обучения на русский, в школах остальных северных народов – со второго класса, а начиная с третьего – полностью перейти на русский язык. Количество языков, на которых велось преподавание, постоянно падает (начало 1960-х годов – 47 языков, через десять лет – только 30, к 1982 году число снизилось до 17). И наконец, процесс завершился закрытием национальных школ для нетитульных народов. **Титульные народы** – проживающие на данной территории, чье имя зафиксировано в этнониме.

Вторым проявлением этнической дискриминации является **сегрегация**. Сторонники **сегрегации** (лат. *segregation* – отделение) видят решение национально-расовых проблем в том, чтобы исключить или максимально уменьшить соприкосновение расово-этнических групп населения (проживание в разных кварталах или зонах, вплоть до резерваций-бантустанов; раздельное обучение и места отдыха и т. д.). Южноафриканский вариант сегрегации – апартеид (на языке африкаанс *apartheid* – раздельное проживание) признан ООН преступлением против человечества. Около 80 государств участвуют в «Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказания за него» (1973). Отдельные элементы сегрегации присутствовали и в СССР в виде депортации, переселения отдельных народов с их исконной территории. Национальный компонент особенно в предвоенные годы стал частью внешнеполитической стратегии. С началом войны переселению на восток подлежали все этнические немцы. В конце войны, несмотря на нейтралитет Турции, из приграничных с ней районов Грузии выселялись турки, курды. В 1943–1944 гг. проводились массовые депортации калмыков, карачаевцев, балкарцев, ингушей,

крымских татар. В ходе переселения, естественно, разрушалась система национального образования и книгопечатания. Только в 1957 году положение стало исправляться. Крымским татарам и немцам разрешено было создать национальную автономию, их языки были восстановлены в правах, в местах их нового расселения стала появляться периодика, а затем и школы. Таким образом, очевидно, что национально-языковая политика в СССР, несмотря на закреплённый в конституции принцип равноправия народов, на деле дискриминировала этнические права на использование языка и получение на нём образования представителям нацменьшинств, населявших СССР. Всё это привело к тому, что в настоящее время многие народы утратили свои национальные языки, отдельные письменности.

Судя по переменам в бывшем СССР, ЮАР и во всем мире, человечество в решении национальных проблем находит третьи пути – именно не один, а разные подходы на основе компромиссов между культурной автономией меньшинств и политико-экономическими тенденциями к интеграции. Политическая демократия не может быть полной без этнокультурной демократии и этноязыкового плюрализма.

В языковой политике национально-языковой компонент является самым заметным. Если этот компонент «вычесть», а в одноязычных социумах это так и есть, то языковая политика будет включать такие вопросы, как:

– Кто имеет право выносить рекомендации о «правильном» и «неправильном» в текущем словоупотреблении и насколько обязательны такие рекомендации для физических и юридических лиц?

– Нужна ли языковая цензура в массовой коммуникации и что считать непристойным?

– Нужна ли реформа орфографии, и если нужна, то насколько радикальная?

– Поощрять ли литературное творчество на диалектах?

Некоторые существенные вопросы языковой политики смыкаются с политикой в области образования, например,

как определить тот минимум владения родным языком, который обязателен для выпускника общеобразовательной школы, предусматривать ли (т. е. финансировать ли) занятия родным языком в высшей школе? По сути, это вопросы об удельном весе гуманитарной составляющей в кругозоре каждого человека.

Национально-языковая политика включает следующие компоненты: 1) теоретическую программу и ее пропаганду; 2) юридическую регламентацию взаимоотношений языков; 3) административное регулирование; 4) экономические меры.

## **9.2. Языковая политика и языковая ситуация в современной России**

В современной России приняты попытки юридической регламентации отношений между языками. Отсутствие законов о языке в СССР усиливало позиции большинства населения и оставляло без государственной защиты языки малых народов. В Конституциях 1924 и 1936 годов национально-языковые отношения были регламентированы минимально. Конституция 1977 года провозглашала равенство граждан СССР перед законом независимо от языка, возможность получить образование в школе на родном языке, право выступать в суде на родном языке, однако не создавала систему гарантий обучения в школе на родном языке. Это означало правовую незащищенность национальных языков, а также возможность сужения социальных функций этнических языков. Только в 1990 году М.С. Горбачев подписал Закон «О языках народов СССР», где провозглашалось право народов на сохранение культурной и языковой самобытности, получение образования на родном языке, использование его не только в бытовом, но и в официальном общении. Развал Советского Союза во многом стимулировал процесс этнического возрождения многих народов. Значительно сужаются социальные функции рус-

ского языка, происходит вытеснение его из официальных сфер общения. Однако политика государств СНГ по отношению к русскому языку несет оттенки дискриминационной политики (запрещение преподавания на русском языке в Латвии, Эстонии, Казахстане, смена русских фамилий на литовские, запрет на использование в средствах массовой информации русского языка). Ограничение функций русского языка приводит к возрождению этнических языков. Это особенно важно, поскольку многие народности, особенно малочисленные северные, находятся на грани исчезновения. Внимание государства к проблеме малых народов Севера проявляется в возможности создания национально-территориальных округов. Кроме того, в Конституции 1993 года юридически закреплена охрана прав малочисленных народов. Защита их исконной среды обитания и традиционного образа жизни осуществляется и на федеральном уровне. Достаточно последовательно решается этот вопрос в Республике Саха (Якутия), где действует закон от 23 декабря 1992 года «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера». Республика Саха организует фонды защиты и развития малочисленных народов, пытается оберегать среду их обитания и традиционный образ жизни, защитить от любых форм культурной и языковой ассимиляции. Конституция Республики Саха допускает создание национально-государственных территориальных единиц, национальных округов, где языки малых народов объявляются в качестве официальных в местах их компактного проживания.

Таким образом, приоритетами современной языковой политики становятся воссоздание и сохранение этнической культуры и языка народов России, культуры малых народностей, формирование юридической базы взаимоотношения языков в рамках государства, а также признание права личности на выбор языка, на котором он хотел бы получить образование.

Однако, несмотря на принятые меры по сохранению и развитию этнических языков, темпы языковой ассимиля-

ции достаточно высоки. Это отражается в языковой самоидентификации носителей языков, то есть какой язык они считают своим родным. Темпы ассимиляции во многом обусловлены характером места проживания этноса. При росте городского населения ассимиляция идет быстрее, в селе она зависит от степени этнической однородности населения. Более низкие темпы языковой ассимиляции в сельской местности объясняются большей приверженностью ее жителей этническому языку, чем горожане. Темпы языковой ассимиляции зависят и от пола. Чем выше темпы утраты этнического языка, тем больше межполовой разрыв в языковой самоидентификации. Женщины более консервативны и отдают предпочтение этническому языку, мужчины более свободно от него отказываются.

Языковую ситуацию в современной России можно охарактеризовать как противоречивую. С одной стороны, делается все для сохранения этнических языков народов, с другой – темпы ассимиляции, отказа представителей этноса от своего этнического языка достаточно высоки.

Противоречиво и положение русского языка. Распуск СЭВ и развал СССР привели к тому, что значительно сузились функции языка межнационального общения и ограничили рамками только одного государства. Несмотря на это, русский язык остаётся международным языком, рабочим языком ООН. В последнее время намечаются тенденции расширения его функций за счёт стран СНГ, а также возвращения ему языка межгосударственного общения. Возможно, это и станет одной из тенденций его развития.

### **Вопросы для самопроверки**

1. Каковы критерии разделения справедливой и несправедливой языковой политики?
2. Какие вы знаете виды несправедливой языковой политики?
3. В чем заключаются противоречия языковой политики в СССР?

4. Перечислите принципы языковой политики в современной России.
5. Назовите меры, предпринимаемые для защиты языков малых народов.
6. В чем причины дискредитации русского языка в странах СНГ?
7. Возможно ли в будущем расширение социальных функций русского языка и восстановление его в статусе языка межгосударственного общения?

### **Рекомендуемая литература**

1. Беликов, В.И. Социоллингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 440 с.
2. Вахтин, Н.Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная Академия : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
3. Культура и этнос : учеб. пособие для самостоятельной работы студентов [Электронный ресурс] / сост. Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/KultEtn/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php).
4. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000 и позже.
5. Швейцер, А.Д. Современная социоллингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – 3-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011.
6. Словарь социоллингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Изд-во Ин-та языкознания, 2006. – 312 с.

## Темы рефератов

1. Социолингвистика в системе социальных наук.
2. Теория антиномий М.В. Панова о механизмах функционирования языка.
3. Проблема функционирования языка в концепции Е.Д. Поливанова.
4. Проблема языка и социума в концепции Уильяма Лабова.
5. Речь и социальный статус человека.
6. Вариант как носитель многообразия языка.
7. Диалект как источник вариативности.
8. Арго и литературный язык.
9. Сленг и язык городского населения.
10. Роль жаргонов в литературном языке.
11. Функциональные стили как коммуникативные подсистемы языка.
12. Языковое общение в эволюции человека.
13. Коммуникация и социальный статус личности.
14. Речевое поведение и коммуникативная ситуация.
15. Социальные роли в коммуникации.
16. Социальные отношения в коммуникации.
17. Речь и профессия человека.
18. Речь и образование.
19. Язык мужчин и женщин: сходства и различия.
20. Речь детей.
21. Природное в языке.
22. Влияние культуры на язык.
23. Язык индустриального общества.
24. Демократические реформы и язык в современной России.
25. Социальный статус языка и языковые изменения.
26. Критерии прогресса в развитии языка.
27. Основные направления развития русского языка.
28. Языковой контакт как фактор языковой эволюции.
29. Психолингвистические механизмы смешения языков.

30. Модели смешения языков.
31. Дивергенция и конвергенция в языковом контакте.
32. Языковая политика как отражение национальной.
33. Языковая политика в СССР.
34. Принципы языковой политики в современной России.
35. Языки малочисленных народов и проблема их защиты.
36. Языковые конфликты и механизмы их регулирования.
37. Языковая политика во Франции.
38. Языковая политика в США.
39. Языковая ситуация и языковая политика в КНР.
40. Языковая политика в странах СНГ.



## Библиографический список

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Л. : Наука, 1975. – 276 с.
2. Агеева, Р.А. Страны и народы : происхождение названий / Р.А. Агеева. – М. : Наука, 1990. – 256 с.
3. Алпатов, В.М. 150 языков и политика. 1917–1997 : социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В.М. Алпатов. – М. : Крафт+ИВ РАН, 2000. – 224 с.
4. Алпатов, В.М. Языковая ситуация в регионах современной России [Электронный ресурс] / В.М. Алпатов // Отечественные записки. – 2005. – № 2(23) // Портал Philology.ru (Русский филологический портал). – URL : <http://www.philology.ru/linguistics1/alpatov-05.htm> ; URL : <http://old.strana-oz.ru/?numid=23&article=1043>
5. Аюпова, Л.Л. Социолингвистика : учеб. пособие / Л.Л. Аюпова, Э.А. Салихова. – Уфа : Восточный университет, 2006. – 152 с.
6. Баскаков, А.Н. Принципы и методы социолингвистических исследований / А.Н. Баскаков, В.Ю. Михальченко. – М. : Наука, 1989. – 196 с.
7. Белл, Роджер Т. Социолингвистика : цели, методы и проблемы / Роджер Т.Белл. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
8. Беликов, В.И. Социолингвистика : учеб. для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001. – 439 с.
9. Белоусов, В.Н. Русский язык в межнациональном общении : проблемы исследования и функционирования / В.Н. Белоусов, Э.А. Григорян, Т.Ю. Позднякова. – М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2001. – 240 с.
10. Брук, С.И. Население мира : этнодемографический справочник / С.И. Брук. – М. : Наука, 1986. – 832 с.
11. Будагов, Р.И. Человек и его язык / Р.И. Будагов. – М. : Московский ун-т, 1974. – 260 с.

12. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Киев : Вища школа, 1979. – 263 с.
13. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н.С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
14. Вахтин, Н. Б. Социоллингвистика и социология языка : учеб. пособие / Н.Б. Вахтин, Е.В. Головкин. – СПб. : Гуманитарная академия : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2004. – 336 с.
15. Верещагин, Е.М. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 248 с.
16. Виноградов, В.А., Социоллингвистическая типология : Западная Африка / В.А. Виноградов, А.Н. Коваль, В.Я. Порхомовский. – М. : Наука, 1984. – 128 с.
17. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского литературного языка [Электронный ресурс] / В.В. Виноградов. – М., 1978. – С. 10–64 // Philology.ru (Русский филологический портал). – URL : <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov-78a.htm>.
18. Волосков, И.В. Социоллингвистика : учеб. пособие / И.В. Волосков. – М. : МГПУ, 2007. – 129 с.
19. Гак, В.Г. К типологии форм языковой политики / В.Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1989. – № 5. – С. 104–133.
20. Гаспаров, Б.М. Введение в социограмматику / Б.М. Гаспаров // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 425. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. Т. 29 // Проблемы языковой системы и ее функционирования. – Тарту : Изд-во Тартуского госуниверситета, 1977. – С. 24–45.
21. Герд, А.С. Ещё раз о понятии этнолингвистика: язык, этнос, культура, политика / А.С. Герд // Язык и народ: Социоллингвистическая ситуация на Северо-Западе России : сб. статей / под ред. А.С. Герда, М. Савиярви, Т. де Граафа. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 121–132.
22. Головин, Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка / Б.Н. Головин // Вопросы социальной лингвистики. – Л. : Наука, 1969. – С. 343–355.

23. Горошко, Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – URL : <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>.
24. Государственные языки в Российской Федерации : энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. – М. : Academia, 1995. – 400 с.
25. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
26. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 450 с.
27. Дьячков, М.В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков / М.В. Дьячков // Вопросы языкознания. – 1988. – № 5. – С. 122–132.
28. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание. Социолингвистика : словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2011. – 280 с.
29. Жизнь языка : сб. ст. к 80-летию М.В. Панова / сост. Л. А. Капанадзе ; отв. ред. С.М. Кузьмина. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
30. Жирмунский, В.М. Проблемы социальной дифференциации языков / В.М. Жирмунский // Язык и общество. – М., 1968. – С. 32.
31. Журавлев, В.К. Диахроническая социолингвистика (предмет, задачи, проблемы) / В.К. Журавлёв // Диахроническая социолингвистика. – М. : Наука, 1993. – С. 3–20.
32. Звегинцев, В.А. О предмете и методе социолингвистики / В.А. Звегинцев. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 35. Вып. 4. – М., 1976. – С. 308–320.
33. Звегинцев, В.А. Социальное и лингвистическое в социолингвистике / В.А. Звегинцев. – Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41. Вып. 3. – М., 1982. – С. 256.
34. Земская, Е.А. Особенности мужской и женской речи / Е.А. Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русский язык в его функционировании ; под ред. Е.А. Земской и Д.Н. Шмелева. – М. : Наука, 1993. – С. 90–136.

35. Земская, Е.А. Язык как деятельность : Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М. : Языки русской культуры, 2004. – 688 с.
36. Исаев, М.И. Словарь этнолингвистических понятий и терминов / М.И. Исаев. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 200 с.
37. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с.
38. Ключев, Е.В. Речевая коммуникация : учеб. пособие для университетов и вузов / Е.В. Ключев. – М. : Приор, 1998. – 224 с.
39. Колесов, В.В. Язык города : социал.-лингв. исслед. населения на примере Петербурга / В.В. Колесов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 192 с.
40. Конечкая, В.П. Социология коммуникации / В.П. Конечкая. – М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
41. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 1999. – 320 с.
42. Крысин, Л.П. Социолнгвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 186 с.
43. Крысин, Л.П. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2003. – 568 с.
44. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое : исследование по современному русскому языку и социолнгвистике / Л.П. Крысин. – М. : Языки славянских культур, 2004. – 883 с.
45. Культура и этнос : учеб. пособие для самост. работы студентов [Электронный ресурс] / сост. Л.В. Щеглова, Н.Б. Шипулина, Н.Р. Суродина. – Волгоград : Перемена, 2002. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Culture/KultEtn/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/KultEtn/index.php).
46. Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. Вып. 7. «Социолнгвистика». – М. : Прогресс, 1975. – С. 114–129.

47. Лихачёв, Д.С. Черты первобытного примитивизма в воровской речи / Д.С. Лихачёв // Язык и мышление. Вып. 3–4. – М. : Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1935. – С. 47–100.
48. Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 686 с.
49. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
50. Мечковская, Н.Б. Язык и религия / Н.Б. Мечковская. – М. : ФАИР, 1998. – 352 с.
51. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
52. Наумов, В.В. Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 240 с.
53. Научно-техническая революция и функционирование языков мира / ред. кол. И.К. Белодед [и др.] ; отв. ред. И.К. Белодед, Ю.Д. Дешериев. – М. : Наука, 1977. – 268 с.
54. Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. – М. : Наука, 1978. – 356 с.
55. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М. : Наука, 1977. – 352 с.
56. Нерознак, В.П. Русский язык в российском законодательстве / В.П. Нерознак, М.В. Орешкина, Р.Б. Сабаткоев // Язык и общество // Справочно-информационный портал **ГРАМОТА.РУ** – русский язык для всех. – URL : [http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28\\_73](http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_73).
57. Никольский, Л.Б. О предмете социолингвистики / Л.Б. Никольский // Вопросы языкознания. – 1974. – № 1. – С. 60–67.
58. Никольский, Л.Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы) / Л.Б. Никольский. – М. : Наука, 1976. – 168 с.
59. Новое в лингвистике. Вып. 6. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – 536 с.

60. Панов, М.В. Принципы социологического изучения русского языка советской эпохи / М.В. Панов // Русский язык и советское общество. Кн. 1. – М. : Наука, 1968. – С. 16–49.
61. Панов, М.В. Современный русский язык. Фонетика / М.В. Панов. – М. : Высшая школа, 1979. – 256 с.
62. Письменные языки мира: Российская Федерация : социолингвистическая энциклопедия / ред. кол. : В.М. Солнцев [и др.]. – М. : Институт языкознания РАН, 2000. – 651 с.
63. Поливанов, Е.Д. Статьи по общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М. : Наука, 1968. – 376 с.
64. Потебня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 612 с.
65. Почепцов, А.П. Коммуникативные технологии двадцатого века / А.П. Почепцов. – М. : Рефл-бук : Киев : Ваклер, 2000. – 352 с.
66. Проблемы ареальных контактов и социолингвистики. – Л. : Наука, 1978. – 166 с.
67. Проблемы интерлингвистики: типология и эволюция международных искусственных языков. – М. : Наука, 1976. – 158 с.
68. Проблемы международного вспомогательного языка. – М. : Наука, 1991. – 204 с.
69. Прохоров, Ю.Е. Русские : коммуникативное поведение : учебное пособие / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 328 с.
70. Росетти, А. Смешанный язык и смешение языков / А. Росетти // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М. : Прогресс, 1972. – С. 112–119.
71. Русская социолингвистика [Электронный ресурс]. – URL : [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Linguist/russlin/index.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/russlin/index.php).
72. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М. : Языки русской культуры, 1996. – 473 с.
73. Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина [и др.] ; отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М. : Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

74. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянских культур, 2003. – 582 с.
75. Социальная роль языков в многоэтнических обществах : пособие для ун-тов и пед. ин-тов – М. : ИНПО, 1993. – 115 с.
76. Степанов, Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г.В. Степанов. – М. : Наука, 1976. – 224 с.
77. Степанов, Ю.С. Французская стилистика. В сравнении с русской / Ю.С. Степанов. – М. : КомКнига, 2006. – 360 с.
78. Стернин, И.А. Общение с мужчинами и женщинами / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 35 с.
79. Теоретические проблемы социальной лингвистики. – М. : Наука, 1981. – 365 с.
80. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 624 с.
81. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики / Н.И. Толстой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 5. – С. 397–405.
82. Трубецкой, Н.С. Вавилонская башня и смешение языков / Н.С. Трубецкой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1900. – Т. 49. – № 3. – С. 114–134.
83. О государственном языке Российской Федерации : федер. закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ : офиц. текст [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2005. – 7 июня. – URL : <http://www.rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html>
84. Филин, Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков / Ф.П. Филин. – М. : КомКнига, 2006. – 656 с.
85. Филин, Ф.П. История общества и развитие двуязычия / Ф.П. Филин // Социоллингвистика : хрестоматия. – Чита : Читинский гос. ун-т, 2005. – С. 62–80.

86. Цивьян, Т.В. Оппозиция «мужской / женский» и её классифицирующая роль в модели мира / Т.В. Цивьян // Этнические стереотипы мужского и женского поведения ; ред. А.К. Байбурин и И.С. Кон. – СПб. : Наука, 1991. – С. 77–91.
87. Шапошников, В.Н. Русская речь 1990-х : современная Россия в языковом отображении / В.Н. Шапошников. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 280 с.
88. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 176 с.
89. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 432 с.
90. Этнолингвистический словарь славянских древностей: проект словника : предварительные материалы. – М., 1984. – 172 с.
91. Язык – культура – этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов. – М. : Наука, 1994. – 233 с.
92. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.



## Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Тема 1. СОЦИОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА.....	8
1.1. Определение социолингвистики, её объект и предмет, цель и задачи.....	8
1.2. Научный статус, связь с другими науками.....	12
1.3. Направления социолингвистики.....	14
1.4. Методы социолингвистического исследования...	19
Тема 2. ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	26
2.1. История возникновения, формирования и становления социолингвистики как самостоятельной науки.....	26
2.2. Современные школы социальной лингвистики: социальная обусловленность языка в концепции Е.Д. Поливанова, теория антиномий М.В. Панова, теория языковой эволюции У. Лабова.....	27
Тема 3. ЯЗЫК КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ.....	34
3.1. Язык и речь.....	34
3.2. Функционирование языка.....	35
3.3. Сферы использования языка.....	50
3.4. Речевая и неречевая коммуникация, коммуникативная ситуация.....	51
3.5. Речевое общение, поведение, акт; коммуникативная компетенция носителя языка.....	54
Тема 4. ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО.....	59
4.1. Языковое сообщество. Языковая структура общества.....	59
4.2. Родной, этнический язык.....	62
4.3. Язык и его социальная дифференциация. Понятие кода и субкода. Социально- коммуникативная система.....	64

4.4. Языковая ситуация.....	66
4.5. Переключение и смешение кодов.....	67
4.6. Интерференция.....	70
4.7. Социальная регуляция речевого общения.....	72
Тема 5. ЯЗЫК И ЛИЧНОСТЬ.....	75
5.1. Проявление социального статуса и роли личности в языке.....	75
5.2. Языковая социализация, проблема влияния социальной среды на владение языком.....	77
Тема 6. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА .....	84
6.1. Природное и культурное в языке.....	84
6.2. Общекультурное и национально-специфическое в языке .....	86
6.3. Проблема влияния языка на культуру.....	90
Тема 7. ЭВОЛЮЦИЯ ЯЗЫКА И ОБЩЕСТВА .....	95
7.1. Язык и историческое развитие.....	95
7.2. Внутренние и внешние языковые изменения.....	98
7.3. Проблема «регресса» и «прогресса» в развитии языка.....	99
7.4. Закономерности изменения в языках и основные направления социальной эволюции языков.....	102
Тема 8. ЯЗЫК И ЭТНОС .....	105
8.1. Расы, этносы, языки. Понятие этноса, его признаки и свойства. Языковая картина мира .....	105
8.2. Смещение языков. Креолы и пиджины как средства коммуникативного контакта.....	111
8.3. Международные и мировые языки, искусственные языки-посредники.....	114

Тема 9. ЯЗЫК И ГОСУДАРСТВО .....	117
9.1. Понятие национально-языковой политики .....	117
9.2. Языковая политика и языковая ситуация в современной России.....	122
Темы рефератов.....	126
Библиографический список.....	128